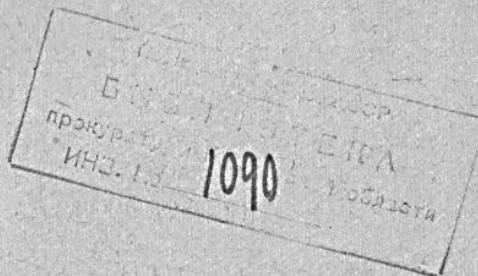

ПРОКУРАТУРА СОЮЗА ССР
Всесоюзный научно-исследовательский институт
криминалистики

*Настоящее пособие печатается
для прокурорско-следственных ра-
ботников и продаже в открытой
книготорговой сети не подлежит*

СЛЕДСТВЕННАЯ ПРАКТИКА

ВЫПУСК
51

Государственное издательство
ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва — 1961

РЕПОЗИТОРИЙ
ПОРИНЫ

Начальник следственного отдела
прокуратуры Ставропольского края
советник юстиции
Г. А. Густов

Редакционная коллегия

Н. И. Гуковская, Л. М. Карнеева, Э. Д.
Куранова, С. Я. Розенблит, Н. А. Селива-
нов, В. Г. Танасевич.

Коллектив авторов

«СЛЕДСТВЕННАЯ ПРАКТИКА»

Выпуск 51

Редактор Н. Г. Березовская

Художественный редактор А. Н. Заболотнов

Технический редактор Н. Л. Щедрина

Корректор М. И. Буланова

Сдано в набор 7/VI 1961 г. Подписано в печать 26/VIII- 1961 г. Формат бумаги
84×108 $\frac{1}{3}$. Объем: физ. печ. л. 3,25; условн. печ. л. 5,33; учетно-изд. л. 5,13.
Тираж 10 000. А—06576. Цена 15 коп. Заказ 2810.

Госюриздан — Москва, Б—64, ул. Чкалова, 38—40.

Ивановская областная типография, г. Иваново, Типографская, 6.

НАШ ОПЫТ РАССЛЕДОВАНИЯ ДЕЛ О ХИЩЕНИЯХ НА МЯСОКОМБИНАТАХ

Нет необходимости останавливаться на том, что борьба с хищениями на мясокомбинатах имеет большое значение как в общем деле охраны социалистической собственности, так и в выполнении тех задач, которые решает в настоящее время наше государство по резкому увеличению производства продуктов животноводства. Известно также и то, что расследование таких дел представляет определенную сложность.

Прокуратура Ставропольского края за последние годы почти одновременно расследовала шесть дел о хищении на разных мясокомбинатах края. При расследовании их были применены различные методы. Но направление работы по ним, комплекс вопросов, подлежащих выяснению, имели много общего. Опытом расследования этих дел и хотелось бы поделиться на страницах «Следственной практики».

Расследование каждого из этих дел проводилось несколькими следователями, так называемым бригадным методом. Возглавляли бригады старшие следователи тт. Дремов, Шевченко, прокурор следственного отдела Псарев и другие работники прокуратуры. Работа каждой бригады проводилась в тесном взаимодействии с оперативными работниками ОБХСС и оперуполномоченными отделения дознания.

Расследованием были выявлены хорошо замаскированные, организованные группы расхитителей, которые

только за два года похитили 600 тыс. руб.¹ и нанесли ущерб государству вследствие сопутствующей хищений бесхозяйственности на сумму свыше 4 млн. руб.

Следует отметить, что разоблачить расхитителей, орудовавших длительное время на мясокомбинатах, нам удалось не сразу. В прошлом прокуратуре Ставропольского края приходилось расследовать целый ряд подобных дел. Обычно они возникали по материалам ревизий, в ходе которых устанавливались крупные недостачи мясопродуктов. Расследование их сводилось к подтверждению факта недостачи, выяснению ее размеров и причин образования. Отдельные факты хищений, установленные при расследовании, не вскрывали преступления в целом. Обвиняемые старались скрыть действительные причины выявленной недостачи. Их излюбленным приемом защиты были ссылки на особенности технологического процесса при убое скота, потерю веса скота во время предубойного содержания, неточности в учете веса и т. д. Порой единственным уличающим их доказательством в деле являлось заключение технологической экспертизы о возможности получения после убоя скота большего количества мясных продуктов, нежели было показано в отчетах, при меньших, чем называли обвиняемые, потерях. Образовавшийся таким путем резерв и мог служить источником для совершения хищений. Однако одно заключение экспертизы без установления путей для сбыта похищенного не могло быть положено в основу обвинения. Чувствуя себя неуязвимыми, расхитители продолжали совершать хищения, о чем свидетельствовали поступавшие от граждан сигналы.

Борьба с хищениями на мясокомбинатах в условиях нашего края стала одной из основных задач прокуратуры, органов милиции и аппарата контрольно-ревизионного управления. Следует также отметить, что в дальнейшем залогом успешного расследования хищений на мясокомбинатах являлось тесное взаимодействие работников прокуратуры, милиции и КРУ на протяжении всей работы по каждому делу.

¹ Расследование дел, описанных в данном сборнике, проводилось до 1 января 1961 г.; денежные суммы во всех статьях сборника указаны без учета масштаба новых цен.

Основную трудность в раскрытии преступлений на мясокомбинатах составлял вопрос о способе совершения хищения и о реализации похищенных ценностей. Работники мясокомбинатов не имеют у себя под отчетом больших денежных сумм. Предположение о том, что хищения совершаются путем вывоза и продажи на рынках или через магазины мясопродуктов, не оправдывалось, так как подобные операции в больших размерах сразу были замечены.

Предположение о способах изъятия наличных денег расхитителями было сделано на основе тщательного изучения особенностей работы мясокомбинатов. Большую настойчивую работу по проверке выдвинутых нами версий провели оперативные работники ОБХСС, руководимые начальником ОБХСС УВД т. Коратаевым.

При ознакомлении с работой мясокомбинатов мы обратили внимание на то, что скот на комбинате поступал не только от колхозов, совхозов и контор «Заготскот», но и непосредственно от заготовителей. По существующим правилам сами заготовители имели право сдавать скот не на приемные базы «Заготскот», а на комбинат только в исключительных случаях, если заготовка скота велась в непосредственной близости от комбината. Однако мы обнаружили, что на Ставропольском, Пятигорском, Кисловодском и других комбинатах такая практика была распространена очень широко. В таких случаях при сдаче скота на комбинат сталкивались, с одной стороны, заготовители, располагающие большими подотчетными суммами денег для ведения закупок, и, с другой — приемщики комбината, имеющие возможность маневрировать данными о приемном весе и упитанности сдаваемого на комбинат скота. Имея намерение совершить хищение, работники комбината могли вступать в сговор с заготовителями и получать от них наличные деньги, приписывая взамен в приемные документы фактически не поступивший от заготовителей скот.

Проверка этого предположения полностью подтвердилась.

На всех шести комбинатах были назначены новые ревизии, и они установили недостачи живого веса и готовой продукции. Так, на Ставропольском комбинате недостача говядины составила 50 т, жира говяжьего — 20 т. Ревизия установила также систематическое сниже-

ние категории говяжьего и свиного мяса после убоя животных.

Как и раньше, работники комбинатов заявили на допросах, что недостача веса и снижение категорий мяса произошли в результате плохого содержания скота в предубойный период, а также из-за несовершенства технологии производства.

Действительно, скот в предубойный период содержался нередко в тесноте, грязи, без кормов и даже без воды. Длительные сроки предубойного содержания скота приводили к истощению животных, и потеряя живого веса. Требовалось разграничить, какая часть недостач вызывалась этими причинами, а какая возникла в результате хищений. Кроме того, следовало проверить, не создавались ли расхитителями эти преступно ненормальные условия предубойного содержания скота сознательно в качестве ширмы для своих машинаций.

Планируя проведение расследования, определяя методы разоблачения расхитителей, мы пришли к выводу, что начинать следует с выявления преступной деятельности заготовителей. Только изобличив их в фабрикации поддельных закупочных квитанций, мы смогли бы получить доказательства участия в преступлениях работников мясокомбинатов. И тогда основную работу по делу — перенести на комбинат. Каждый из этапов расследования имел свои трудности и требовал своеобразной тактики в изобличении преступников. Поэтому целесообразнее остановиться на каждом из них.

Первой задачей являлось выявление из числа заготовителей предполагаемых участников преступления. Каждый мясокомбинат обслуживал прикрепленные к нему разного рода заготовительные конторы и большое количество заготовителей, сдававших скот на комбинат. Выявление среди них участников хищения требовало долгого и кропотливого труда. Но нам было ясно, что, чем полнее мы определим круг участников преступления из числа заготовителей, тем правильнее впоследствии будет определен размер хищения.

Из документов мясокомбинатов были выписаны все районы, которые каждый из них обслуживал, а также сделали выборку фамилий заготовителей, сдававших скот непосредственно на комбинаты. Затем по этим спискам снова отобрали фамилии тех заготовителей, у

которых при прочих равных условиях объем произведенных закупок был значительно большим, чем у остальных заготовителей. Работа этих заготовителей и проверялась в первую очередь, так как предполагалось, что увеличение объема заготовок может иметь место именно за счет притисок. Все указанные выборки проводились по нашим заданиям ревизорами КРУ.

Не вызывало сомнений, что заготовителей удастся изобличить в преступлениях и получить от них правдивые показания лишь при условии, если будут установлены поддельные закупочные квитанции, которые они выписывали на скот, фактически не закупленный, а приписанный в данных актов приема мясокомбината. Выявление этих квитанций среди общего количества документов, приложенных к отчетам заготовителей, было очень громоздким и сложным делом. Внешне они ничем не отличались от подлинных квитанций. Мы, правда, попытались вначале отобрать квитанции по признаку сходства подписей от имени продавцов скота. При этом мы предполагали, что если заготовитель выписывал бесформенные квитанции, то он сам и расписывался от имени несуществующих продавцов скота. И в этом случае подписи на всех бесформенных квитанциях, выписанных на разных лиц, будут похожими друг на друга. К сортировке квитанций по этому признаку мы привлекли экспертов НТО. Но эта работа результатов не дала. Как установили позже, заготовители подписывались в поддельных квитанциях часто не сами, а просили расписаться близким им людям.

Было принято решение проверять все квитанции выделенных нами заготовителей подряд, вызывая на допросы указанных в квитанциях лиц. Тут мы допустили ошибку, но вскоре, обнаружив ее, соответствующим образом перестроили свою работу. Дело в том, что залогом успешности работы по проверке закупочных квитанций является их предварительная группировка по нескольким признакам. Первое, что следовало сделать с квитанциями каждого заготовителя и чего мы вначале не сделали, — это выбрать из общего количества те квитанции, скот по которым значился сданным именно на мясокомбинат, а не в какие-либо другие организации, куда этот же заготовитель также мог направить закупленных им животных. В самих квитанциях сведений о

том, куда направлен закупленный по ним скот, как известно, не содержится. Запутанность же учета в заготовительных конторах и сельпо тоже не позволяла найти ответ на этот вопрос. Поэтому, по нашему заданию, ревизоры отобрали в документах мясокомбинатов приходные документы — акты-отвесы на поступление скота от интересовавших нас заготовителей. По этим документам и были установлены номера закупочных квитанций на скот, поступивший на комбинат. Таким образом, мы строго ограничили нашу работу с закупочными квитанциями только операциями, связанными с мясокомбинатом.

Для лучшей организации проверки закупочных квитанций путем допросов лиц, указанных в них в качестве продавцов скота, целесообразно также предварительно разнести все интересующие следователя квитанции в алфавитном порядке в обычную тетрадь. Мы это делали по следующей схеме:

Ф., и., о. лица, на которого выписана закупочная квитанция	Адрес, указанный в закупочной квитанции (если он есть)	Номер и дата отчета заготовителя, к которому приложена закупочная квитанция	Номер и дата закупочной квитанции	Результат запросов в адресный стол и допроса
Васильев И. В. Волков С. Т.	— с. Михайловка Михайловского р-на	№ 2 февраль № 2 февраль	б/№ от 15/I б/№ от 25/I	
Волков С. Т. Волков С. Т.	— ст. Пелагиада Михайловского р-на	№ 3 март № 7 июль	б/№ от 20/II б/№ от 5/VII	
Волков С. Т.	с. Михайловка Михайловского р-на	№ 9 сентябрь	б/№ от 15/IX	
Власов Н.	с. Казыминка Невинномысского р-на	№ 5 май	б/№ от 20/V	

Такая предварительная обработка документов дает возможность следователю выявить квитанции, выписанные на одних и тех же лиц, и сравнить исполненные в них подписи. Она помогает также группировать квитан-

ции по месту жительства граждан, на которых они выписаны, а потом использовать этот материал при допросе жителей указанного в квитанции села с целью выяснения, проживают ли там названные в квитанциях граждане. Такая группировка квитанций гарантирует, что каждый вызванный свидетель будет сразу допрошен по всем квитаниям, выписанным на его имя.

С целью установления, проживают ли эти граждане по записанным в квитанциях адресам, мы направляли соответствующие запросы в адресные столы, в правления колхозов или администрации совхозов. Два последних адресата необходимо запрашивать в тех местностях, где нет паспортного режима.

Допросы продавцов скота также требовали предварительной подготовки, знания всех материалов дела, условий, в которых работали заготовители. Ведь именно показания этих свидетелей должны были дать основной материал для наступательного допроса заготовителей. Недостаточно на этих допросах выяснить: продавал ли гражданин скот заготовителю, получал ли деньги и сколько, а также расписывался ли он в квитанции. Нужно заранее предвидеть, какие возражения может выдвинуть тот или иной заготовитель, и уже при первом допросе продавца скота собрать необходимые для проверки этих возражений сведения. Это исключит необходимость повторного вызова свидетелей из числа продавцов скота.

Вот некоторые из обычных по этим делам возражений заготовителей, которые они выдвигали при представлении им показаний продавцов, полностью или частично отрицающих факт закупки у них скота.

Нередко при допросе продавца скота выясняется, что он продал животное, вес которого был определен заготовителем в момент закупки меньше того веса, который указан в предъявляемой ему квитации.

Заготовители при предъявлении им этих показаний иногда ссылаются на то, что из-за опасений ошибок при определении веса животного в момент закупки, они не выписывали своевременно закупочные квитанции. Лишь после сдачи скота на комбинат, когда исчезала опасность недоразумений по поводу веса скота, они выписывали эти квитанции. Но при этом они якобы уже не старались указывать в квитанции именно тот вес, который имело то или иное животное, а следили только за

совпадением общего веса партии скота по всем закупочным квитанциям и актам-отвесам, выписанным на комбинате. Поэтому и могло получиться, что, закупив, например, у гр-на Иванова телку весом в 100 кг, они в квитанции по ошибке записывали корову весом в 200 кг. Зато в какой-нибудь другой квитанции они на столько же уменьшили вес другого животного.

Имея в виду возможность подобных возражений заготовителя, у сдатчика скота уже на первом допросе мы выясняли, записывалась ли и когда именно закупочная квитанция, а также определялся ли и каким образом (на глаз или взвешиванием) вес продаваемого животного. Если вес определялся на глаз, то не знал ли раньше владелец скота, каковы были вес и упитанность его животного, как и когда он эти данные определял и кто их может подтвердить.

Если гражданин, указанный в квитанции продавцом скота, на допросе отрицал сам факт закупочной операции, заготовитель иногда заявлял, что ему продавал скот другой человек с этой же фамилией. Имея в виду возможность таких возражений, мы выясняли в этом случае у свидетеля, есть ли в той же местности у него однофамильцы, как их зовут и есть ли (или был) в их хозяйстве скот. При этом мы исходили из того, что в сельской местности лица с одинаковыми фамилиями обычно хорошо знают друг друга.

Далее, одним из наиболее распространенных возражений заготовителей являлись их утверждения о том, что они были сами обмануты продавцом скота, назвавшим чужую фамилию. Такое, на первый взгляд убедительное, возражение также удавалось опровергнуть, так как во многих случаях оказывалось, что гражданин, указанного в квитанции, заготовитель хорошо знает и, если бы кто-то от имени этого лица стал продавать скот, заготовитель тотчас же мог его разоблачить. Поэтому при допросах продавцов скота мы выясняли и вопрос о их личном знакомстве с заготовителем.

Следует также отметить, что нельзя переоценивать значения результатов почерковедческой экспертизы подписей в закупочных квитанциях для изобличения заготовителей. Почерковедческая экспертиза нередко устанавливает, что подписи в квитанциях выполнены не продавцами скота, а самими заготовителями. Однако по

нашим делам лишь в очень немногих случаях при предъявлении этого доказательства заготовители признавали подложность квитанций, давая при этом различные объяснения. Таким образом, заключение графической экспертизы об исполнении подписей от имени продавцов скота самими заготовителями, изобличало последних в преступлении только в совокупности с другими доказательствами, о которых упоминалось выше.

В результате проделанной работы по проверке закупочных квитанций на первом этапе расследования мы собрали важные доказательства, свидетельствующие о систематической выписке заготовителями бестоварных закупочных квитанций.

Настойчивые допросы заготовителей с предъявлением изобличающих их в преступлениях доказательств стали давать положительные результаты. Заготовители начинали рассказывать о хищениях, о приписках работниками мясокомбинатов в приемных документах веса, количества голов и завышении упитанности сдаваемого скота, после чего заготовители и выписывали бестоварные закупочные квитанции и изымали наличные деньги, которые делили с работниками мясокомбинатов. Однако по некоторым делам заготовители попытались взять всю вину на себя, надеясь тем самым смягчить свою роль. Они начали «кайтаться», что действительно иногда обманывали сдатчиков, занижая вес закупаемых животных. На созданный таким путем резерв они и выписывали бестоварные квитанции. Но делали они это якобы одни, без чьей-либо помощи, без слова с работниками мясокомбината.

Попытка некоторых заготовителей взять всю вину на себя осложняла использование показаний тех заготовителей, которые полностью признавали себя виновными и называли соучастников на мясокомбинатах, т. е. изобличение основных участников хищений — работников мясокомбинатов. Необходимо было найти доказательства преступлений на самих мясокомбинатах, где совершались приписки в документах заготовителей при приеме от них скота. Эти доказательства подтвердили бы показания той части заготовителей, которые полностью признавались в преступлении, и изобличили бы остальных заготовителей, выгораживавших работников мясокомбинатов.

Поэтому основную работу по делу начали на мясокомбинатах. Дальнейший план расследования сводился к следующему. Поскольку заготовители либо совсем не сдавали скот на мясокомбинат, либо же сдавали его с меньшим весом и более низкой упитанностью, на комбинатах, во-первых, должны быть поддельные документы либо о приеме непоступившего скота, либо завышающие вес и упитанность той или иной партии скота; во-вторых, подобные операции должны были привести к образованию недостачи живого веса и голов скота прежде всего на скотобазе, куда поступает скот, а затем после передачи скота с базы в убойный цех, где, по нашим предположениям, также имелись соучастники преступления, недостача должна была перейти в этот цех и превратиться там в недостачу мяса, жира, количества туш забитых животных и т. д.; в-третьих, в остальных цехах комбинатов также должна образоваться недостача некоторых видов продуктов (например, недостача кож в кожпосолочном цехе).

Таковы были наши предположения. Предстояло проверить их и в случае подтверждения найти конкретные документы, в которых были сделаны приписки, выявить неизбежные недостачи. Осуществление плана начали со скотобазы, исходя из того, что осуществляли приписки в основных приемных документах (актах-отвесах), участники преступления могли не сделать соответствующих припискам записей в ряде других, как бы второстепенных документов, заполняемых в процессе приемки скота. У расхитителей могло не быть соучастников среди работников, в обязанности которых входило заполнение таких документов; их содержанию могло не придаватьсь особого значения, так как они обычно не исследуются при разного рода проверках. Такими документами являются гуртовые ведомости, ветеринарные справки, а также выписываемые ветеринарным врачом скотобазы пропуска на ввод на территорию комбината каждого животного и журнал регистрации результатов ветеринарного осмотра скота. Количество сдаваемых животных должно быть отражено и в ветеринарных справках, составляемых в момент закупки скота.

Мы предложили ревизорам проверить правильность оформления приема на базу тех партий скота, в документы о приеме которых были включены установленные

нами бестоварные закупочные квитанции. В ходе этой работы сверили все документы и записи, где согласно требованиям действующих инструкций и приказов, должно быть отражено поступление на комбинат каждого животного.

Проверка показала, что документы, которые должны были представляться заготовителями (гуртовые ведомости и ветеринарные справки), на одних мясокомбинатах в нарушение существующих требований просто отсутствовали, на других комбинатах они имелись, и записи в них о количестве пригнанного на комбинат скота совпадали с теми же сведениями по актам-отвесам. Позже было установлено, что в заготовительных конторах расходование бланков гуртовых ведомостей и их заполнение не контролировалось. Это и давало возможность заготовителям указывать в гуртовых ведомостях нужные им сведения. При проверке ветеринарных справок, представляемых заготовителями, во многих случаях выяснилось, что написаны они лицами, не имеющими на это права, а заверены печатями не ветеринарных врачей, а рабкоопов, местных комитетов совхозов и т. д. При обысках у некоторых заготовителей мы обнаружили запасы чистых бланков таких справок. Понятно, что при таком положении заготовителям ничего не стоило сформировать нужное им количество «ветеринарных» справок.

Другие результаты были получены при сверке актов-отвесов с ветеринарными документами, выписываемыми на самом комбинате. При сопоставлении количества голов скота, принятого приемщиками базы и записанного в акты-отвесы, с количеством животных, о ветеринарном осмотре которых имелись записи в журнале, оказалось, что в последнем документе было указано значительно меньшее количество животных. Такие же результаты получили и при ознакомлении с ветеринарными пропусками.

Таким образом, сверка различных документов, заполненных при оформлении приема скота параллельно разными работниками базы, дала возможность выявить факт приписок скота в основных приемных документах — актах-отвесах. Это было первым звеном в цепи доказательств, которые предстояло получить на мясокомбинатах. Но и их оказалось достаточно, чтобы изобличить в преступлениях приемщиков скота, а так-

же и тех заготовителей, которые пытались отмежеваться от работников мясокомбинатов.

Следующей задачей расследования являлось изобличение работников убойных цехов мясокомбинатов. Это оказалось, пожалуй, самым сложным делом.

Решить вопрос о том, принимают ли участие в хищении работники убойного цеха,— это значит, в первую очередь, выяснить, переходят ли со скотобазы в убойный цех приписанные в документах заготовителей вес, количество голов скота и завышение упитанности животных, или же эти приписки в виде недостачи остаются на базе.

Для решения этого вопроса необходимо было проследить весь производственный процесс в убойном, кожевенном, утильном цехах и в холодильных камерах, куда поступали туши забитых животных. Эту сложную работу проделали ревизоры и эксперты-технологи, заключение которых явилось очень важным доказательством при разрешении вопросов об участии в преступлении работников убойного и некоторых других цехов.

Изучение документов о передаче скота с базы в убойный цех на Ставропольском комбинате показало, что во многих случаях вес и упитанность скота в этих документах полностью совпадали с соответствующими данными в актах-отвесах, составляемых при приеме скота на базу.

Разумеется, такого совпадения при нормальном положении быть не могло. Животное, находясь какое-то время на скотобазе, обязательно меняет свой вес в ту или другую сторону. При допросах рабочих скотобазы и весовщиков, в обязанность которых входит перевешивание скота при передаче его с базы в убойный цех, выяснилось, что скот фактически не перевешивался и упитанность его заново не определялась. По указанию начальника убойного цеха данные о весе и упитанности скота, как правило, просто переписывались с документов базы. Более того, некоторые весовщики рассказали, что даже в тех случаях, когда скот перевешивался и при этом выявлялось, что вес некоторых животных был значительно ниже того веса, который значился в документах базы, по убойному цеху эти животные все равно приходовались не по фактическому весу, а по данным документов базы. Последние показания прямо свидетельствовали о том, что приписанный заготовителями на

базе живой вес передавался путем таких же приписок в убойный цех.

С целью выявления конкретных фактов этих приписок мы снова применили тот же прием сопоставления сведений о поступлении скота в цех по разным документам, который дал нам положительные результаты при работе с документами по скотобазе. Согласно действующей инструкции дежурный ветеринарный врач по скотобазе при передаче животных в убойный цех должен произвести предубийный ветеринарный осмотр с поголовной термометрией крупного рогатого скота. На каждую партию подготовленных к убою животных этот врач выдает паспорт, который передается в убойный цех и хранится там в течение года. Помимо этого, ветеринарный врач убойного цеха в свою очередь также обязан осмотреть поступивший в цех скот и результаты осмотра записать в специальный журнал. На ветеринарного врача возлагается также обязанность проверять фактическое количество скота, переданного на убой.

Сопоставление записей о ветеринарном осмотре на базе и в убойном цехе с актами на передачу скота на убой позволило нам выявить конкретные случаи списания по актам большего количества скота, чем зарегистрировали врачи в своих документах.

Следующим источником доказательств, изобличающим работников убойного цеха в соучастии в хищении, был анализ документов, отражающих движение кож забитых животных. Было очевидно, что если в убойном цехе имеют место приписки голов скота, то на комбинате должна образоваться недостача кож животных. Однако ревизоры недостачи не обнаружили. Недоумение, возникшее в связи с этим, разрешили эксперты-технологи. На вопрос о том, соответствуют ли категориям забитых животных кожи, поступившие из убойного цеха, эксперты ответили отрицательно. Этому ответу предшествовала большая работа с документами. Как нам стало известно из консультаций со специалистами, кожи, снятые с эмбрионов (плодов) забитых животных, находившихся во второй половине периода стельности, по внешнему виду очень похожи на кожи, снятые с молодняка. Отличить их может только специалист. На комбинатах, как мы установили, прием кож из убойного цеха осуществляли сами рабочие. Ревизорам было предложено

сделать по документам выборку сведений о количестве поступившего в убойный цех молодняка и крупного рогатого скота во второй половине периода стельности. Эти данные были сопоставлены с количеством кож молодняка, оприходованных в кожепосолочном цехе. Результаты получились очень интересные. Например, на Ставропольском комбинате было забито 160 телят, а кож-опойков (кожа, снятая с теленка) оприходовано 368 штук, т. е. на 208 шкур больше. В то же время за этот же период было забито 396 коров со сроком стельности 8—9 месяцев, но шкур от эмбрионов оприходовано только 188 штук, т. е. меньше на 208 штук.

Эксперты-технологи в своем заключении указали, что работники кожепосолочного цеха могли скрывать недостачу кож по цеху, оприходуя в качестве шкур молодняка кожи, снятые с эмбрионов. Приведенные выше цифры убедительно подтверждают этот вывод.

Другим способом скрытия на комбинате недостачи кож, а следовательно, и голов скота, служило составление поддельных актов на списание их в утиль. Такие акты удалось выявить проведенной по делу о хищении на Ставропольском комбинате ветеринарной экспертизой.

В других случаях преступники умышленно портили кожи, снятые с животных. Разрывая одну кожу на несколько частей, они приходовали каждую из них как целую кожу. Это установили эксперты-технологи путем исследования механизмов разрывов кож, проверки работы машин, с помощью которых снимались кожи с забитых животных, и т. п. В одном случае эксперту даже удалось составить одну полную кожу из семи лоскутов, каждый из которых был списан с убойного цеха как целая кожа. Этот факт оказался настолько убедительным, что при его предъявлении мастеру убойного цеха Выродову последний признал все преступные махинации по скрытию недостачи кож на комбинате.

По делу была проведена также проверка количества туш забитых животных. Специального учета количества туш животных, поступавших в холодильные камеры, на комбинатах не велось. Но частично эти данные нам удалось найти в документах ветеринарных врачей. Так, ветеринарный врач убойного цеха должен исследовать каждую свинью тушу и делать соответствующие записи в журнале. На допросе ветеринарные врачи показали,

что они выполняли это требование аккуратно. Когда же записи врачей сопоставили с актами на убой, оказалось, что по актам значится забитыми гораздо большее количество свиней, чем по записям в ветеринарном журнале. Результаты этой работы дали дополнительные доказательства, изобличающие преступников в сокрытии недостачи голов скота на комбинате.

В результате описанной работы по исследованию движения голов скота, кож и туш забитых животных мы получили доказательства приписок голов скота при передаче его с базы в убойный цех.

Естественно, что при наличии таких приписок в убойном цехе должна была образоваться недостача мяса и жира. Однако в таких случаях следует иметь в виду, что при совершении хищений на мясокомбинатах недостачи мяса и жира в том же объеме, в котором делались приписки, может и не оказаться. Это объясняется некоторыми особенностями технологического процесса, например, возможностью получения большего выхода мяса и жира при забое животных высокой упитанности, чем это предусмотрено нормами. Причем преступники, ссылаясь на отсутствие недостачи мяса и жира или сравнительно небольшие ее размеры, нередко отрицают совершение хищений вообще.

Однако, не расчитывая покрыть всю недостачу, образующуюся в результате хищений, за счет сверхнормативных выходов мяса, преступники использовали в этих же целях и различные махинации. Так, мы установили факты применения завышенных скидок на оставление мяса, систематический недогруз при отправке мясных продуктов получателям, завышенное списание мяса, передаваемого в колбасный и пирожковый цехи, и т. д.

Полученные в процессе расследования доказательства в достаточной степени изобличали в участии в хищении работников убойного цеха и некоторых лиц из других цехов.

В ходе расследования удалось вскрыть условия, способствовавшие совершению хищений на мясокомбинатах. Проведенное прокуратурой края представление обсуждалось в совнархозе края, а затем и в крайкоме КПСС, после чего были приняты решения, направленные на упорядочение работы мясокомбинатов.

Прокурор следственного отдела
Прокуратуры БССР
младший советник юстиции
A. Л. Рудзицкий¹

ДВА ПОДЖОГА

В ночь на 16 июля сгорел магазин Сверженского сельпо Столбцовского р-на Минской области. Расследование уголовного дела поручили мне.

Допросом очевидцев, прибежавших ночью к месту пожара, я установил, что огонь появился вначале внутри магазина, а затем охватил все здание.

В ходе осмотра пожарища выяснилось, что к моменту возникновения пожара входная дверь магазина была закрыта на висячий замок. Повреждений на нем не имелось. В магазине среди множества обгоревших предметов были найдены лежавшие в куче несколько утюгов, в одном из них находились угли.

Согласно заключению пожарно-технической экспертизы причиной пожара был поджог, а очаг его возникновения находился в коридоре магазина.

При допросах свидетелей выяснилось, что 27 июня в магазине проводилась ревизия. После окончания ревизии дверь, ведущая из коридора в торговое помещение, была закрыта на два замка. Ключ от одного из этих замков находился в конторе сельпо, а от второго — у заведующей магазином Пархимович. На наружной же двери, ведущей с улицы в коридор магазина, после ревизии был повешен лишь один замок. Ключ от него имелся только у Пархимович, и, следовательно, только она одна имела беспрепятственный доступ внутрь помещения, в частности в коридор.

¹ Автор статьи работал ранее следователем прокуратуры Столбцовского р-на Минской области и за расследование описанных дел Прокурором БССР награжден именными часами.

Показания экспедитора сельпо объясняли наличие утюгов в магазине: 28 июня он привез в магазин ящик утюгов, и так как помещение магазина в это время уже было закрыто и опломбировано, эти утюги оставили в коридоре магазина. Оставалось только неясным, как в одном из утюгов оказались угли. Были ли они положены туда заранее или попали в него во время пожара?

Имея в виду заключение пожарно-технической экспертизы о том, что очаг возникновения пожара находился в коридоре магазина, выяснение этого вопроса имело важное значение.

На разрешение криминалистической экспертизы я поставил вопрос, могли ли обнаруженные в утюге угли попасть туда во время пожара через имеющиеся в стенах утюга отверстия. Эксперты на этот вопрос ответили отрицательно. Следовал вывод, что угли были положены в открытый утюг.

Версия о поджоге являлась наиболее вероятной. Поджог, по-видимому, произвела Пархимович при помощи раскаленного утюга, поставленного на легковоспламеняющиеся предметы. Ими могли быть находившиеся в коридоре магазина фанерные ящики, стружки и трикотаж. Мотив поджога мог быть связан с назначенной в ближайшие дни передачей магазина другому заведующему.

На последующих допросах были установлены события, происходившие в деревне Скоморошки вечером 19 июля, а также местонахождение и поведение Пархимович.

Когда произошел пожар, в клубе деревни Скоморошки демонстрировалась кинокартина. Киномеханик Крикляновский, проверявший у входа билеты, и некоторые колхозники, присутствовавшие в зале, показали, что Пархимович пришла в клуб не к началу демонстрации кинокартини, как это уверяла сама Пархимович, а около 23 час., к окончанию сеанса. Примерно через 25 мин. после ее прихода начался пожар. Был установлен свидетель Кудин, который видел Пархимович идущей со стороны магазина примерно за 30 мин. до обнаружения пожара.

Пархимович утверждала, что до прихода в клуб она находилась в доме своей сестры Коробко, а по дороге в клуб на просмотр кинокартини никуда не заходила, что

ушла из ее дома в 19 час. 30 мин вечера. Дом Коробко от здания школы, где демонстрировалась кинокартина, был расположен всего в 5—10 мин. ходьбы. Все это свидетельствовало о том, что Пархимович могла быть причастна к поджогу.

Ревизией по состоянию на 27 июня, после которой магазин не работал, недостачи выявлено не было. Напротив, был выявлен излишек в сумме 1199 руб. В связи с этим бухгалтерия сельпо предложила произвести повторную ревизию. Пархимович отказалась участвовать в повторной ревизии. «Обидевшись» на то, что ей не доверяют, она потребовала своего увольнения и передачи магазина другому заведующему. По этой причине магазин после ревизии и не работал.

С целью проверки качества проведенной ревизии я изъял из бухгалтерии сельпо акт ревизии и два экземпляра инвентаризационной ведомости. При изучении и сопоставлении экземпляров инвентаризационной ведомости были установлены исправления в количествах ряда товаров. Они, очевидно, делались сразу в обоих экземплярах под копирку: во втором экземпляре акта вновь написанные цифры оказались выше, ниже или сбоку от тех мест, где они должны были быть. Количество товаров оказалось увеличенным на 10 498 руб., т. е. на эту сумму в акте была скрыта недостача. Я предложил бухгалтеру-ревизору сопоставить остатки товаров в магазине, указанные в акте предыдущей ревизии — по состоянию на 20 марта, и данные о новых поступлениях с остатками этих же товаров, указанными в акте от 27 июня, т. е. провести контрольное сличение. В результате было установлено, что в акте по состоянию на 27 июня количество некоторых товаров, даже без учета возможной продажи их населению, завышено на сумму 11 415 руб. Кроме этого, оказалось, что в акте завышены цены на сумму 522 руб. Бухгалтерская экспертиза определила размер недостачи в сумме 11 937 руб.

В доме Пархимович было произведен обыск, в процессе которого обнаружили ее черновые записи результатов инвентаризации магазина по состоянию на 27 июня. При изучении этих черновых записей я установил, что в них также были завышены остатки товаров. Стало ясно, что еще до производства ревизии Пархимович знала, что у нее в магазине имеется недостача, и в черновых за-

писях намечала, за счет приписок каких товаров легче ее скрыть.

Было установлено, что проводивший ревизию заместитель председателя сельпо Максимов во время ревизии систематически пьянистовал. Пархимович могла воспользоваться этим и внести в акт изменения¹.

Установив у Пархимович недостачу, я стал выяснять причину ее образования. Из бухгалтерии сельпо была истребована выборка движения выручки по магазину. При изучении этих сведений было установлено, что с 1 по 21 июня Пархимович совершенно не сдавала денежной выручки в кассу сельпо, хотя обязана была делать это через день. Допросом ряда свидетелей было установлено, что в этот период магазин работал бесперебойно, каждое воскресенье Пархимович выезжала с товарами на базар, собирая выручку по 2,5—3 тыс. руб. В магазин в это время завозились товары, пользовавшиеся большим спросом у населения. В подтверждение этого обстоятельства из бухгалтерии сельпо была истребована выборка поступления в магазин товаров за период с 1 по 21 июня. Свидетели показали, что Пархимович часто передавала из магазина ищики водки и вина в дом своих знакомых Пулковских, которые распродавали эти товары в отсутствие Пархимович. Во время обыска в доме Пархимович в обнаружена листок бумаги с записями ряда ценных вещей, похищенных Пархимович из магазина. Самих вещей обнаружить не удалось, хотя с этой целью обыски были произведены как у самой Пархимович, так и у ее родственников. Таким образом, было доказано, что недостача материальных ценностей образовалась в результате хищения. Несмотря на то, что Пархимович на предварительном следствии и в суде не признала себя виновной в хищении и поджоге магазина, она была изобличена в совершении этих преступлений собранными по делу доказательствами и осуждена судом к лишению свободы.

Некоторый интерес представляет и расследование другого дела о поджоге. Оно было возбуждено прокуратурой Столбновского р-на в связи с пожаром, произошедшим 18 января в деревне Ахремовичи. Во время этого пожара горели надворные постройки гр-ки Чернюк.

¹ По представлению прокуратуры на зам. председателя сельпо Максимова было наложено строгое партийное взыскание, и он снят с работы.

Я принял дело к своему производству. Осмотром места происшествия было установлено, что пожар начался с погреба, расположенного в сарае, а затем загорелся и сам сарай.

Было установлено, что накануне пожара в деревне Ахремовичи находилась какая-то женщина, называвшая себя Верой. Она говорила, что приехала из Риги и является женой Граховского Александра, уроженца этой деревни, работавшего последнее время в Риге, на заводе стройматериалов.

Переночевав ночь с 17 на 18 января в доме жительницы деревни Ахремовичи Чикун, Вера утром 18 января 1958 г. ушла из ее дома, сказав, что идет на ближайшую железнодорожную станцию Городея, чтобы уехать обратно в Ригу. Однако были установлены свидетели, которые видели Веру в деревне Ахремовичи вечером 18 января незадолго перед пожаром.

На другой день после пожара Вера из деревни исчезла. В связи с тем, что Граховский находился в зарегистрированном браке с гр-кой Чернюк М., подозрение в поджоге пало на Веру, также выдававшую себя за жену Граховского. Последний, кстати, приехал в родную деревню на другой день после пожара.

Приступив к расследованию дела, я подробно допросил Граховского. Он рассказал, что вскоре после приезда в Ригу сошелся с работавшей с ним на одном заводе Саулич Верой Нестеровой. Постепенно связь с Саулич его начала тяготить. Саулич была старше его на 10 лет. Примерно год тому назад, приехав в деревню Ахремовичи в отпуск, Граховский женился на жительнице этой деревни М. Чернюк. Затем он снова уехал в Ригу, намереваясь взять на заводе расчет.

Когда Саулич узнала, что Граховский женился, она начала угрожать ему расправой, высказывая угрозы в письмах к жене Граховского — Чернюк и ее родителям. 15 января Саулич выехала из Риги, сказав Граховскому, что едет в Молодечненскую область, где у нее жила мать. Через три дня после ее отъезда, взяв полный расчет, Граховский также приехал из Риги в деревню Ахремовичи. Из показаний Граховского было известно, что последнее время Саулич на заводе стройматериалов не работала, хотя продолжала проживать в заводском общежитии. Она говорила ему, что работает в одной из

столовых, расположенных рядом с Рижским вокзалом. После допроса Граховского было принято решение немедленно выехать в Ригу с целью задержания Саулич и изобличения ее в совершении поджога.

В Риге я установил, что с 15 по 27 января 1958 г. Саулич в общежитии завода строительных материалов не была. 27 января 1958 г. она явилась в общежитие, забрала все свои вещи и ушла. Однако из общежития она не выписалась. Своим соседям по комнате Саулич сказала, что продолжает работать в одной из столовых Риги и будет жить у своей двоюродной сестры Нины. О Нине она сказала, что та живет на Московской улице г. Риги и работает или на клеевом заводе, или на сеточной фабрике. Фамилии Нины никто не знал. Мне рассказали также, что 27 января Саулич зашла в общежитие только тогда, когда предварительно убедилась, что в комнате нет посторонних, спросив у соседок, не разыскивает ли ее милиция. Особенно важными были показания свидетелей Войтенко и Котлярс. Саулич им по секрету рассказала, что сожгла дом жены Граховского.

Стало ясно, что Саулич скрывается, боясь ответственности за совершенное преступление.

Тресты столовых и ресторанов Риги на мои запросы сообщили, что Саулич в их системе не работает. Не удовлетворившись этим, я, взяв в общежитии у подруг Саулич ее фотографию, совместно с оперативным работником Рижской милиции в течение трех дней обошел несколько десятков столовых и ресторанов Риги. Однако Саулич в них не работала.

Предполагая, что Саулич действительно может проживать у своей родственницы по имени Нина, я решил попытаться установить эту Нину. Зная, что Саулич уроженка Белоруссии, я просмотрел в отделе кадров клеевого завода все личные дела рабочих, рассчитывая найти рабочую по имени Нина, которая была бы уроженка Белоруссии. На клеевом заводе таких не оказалось. Тогда такая же работа была проделана в отделе кадров сеточной фабрики. Оказалось, что там работают три женщины по имени «Нина», приехавшие из Белоруссии. При допросе этих женщин я решил избрать следующую единицу: сам факт проживания Саулич у допрашиваемой нам вкобы был известен, а интересовали нас будто бы только причины проживания ее без прописки.

Первая Нина, вызванная на допрос в кабинет главного инженера фабрики, сказала, что никто у нее без прописки не живет и никакой Саулич она не знает. Второй зашла Ивко Нина. На мой вопрос, почему Саулич живет у нее без прописки, Ивко ответила, что Саулич у нее жила всего три дня и буквально за три часа перед допросом должна была уехать в г. Вильнюс. В родстве с Саулич она не состоит, а знает ее как землячку. Уезжая, Саулич сказала, что едет в Вильнюс к матери. Адреса в Вильнюсе Ивко не знала. В тот же день в квартире Ивко мною был произведен обыск. На при надлежащие Саулич вещи с целью возмещения ущерба от поджога был наложен арест.

Я выехал в Вильнюс. Приехал туда утром в воскресенье. Адресное бюро Вильнюса в воскресенье не работало. Но я разыскал работника адресного бюро и, объяснив ему цель моего приезда, попросил срочно известить необходимые справки. В этот же день я получил адрес матери Саулич — Саулич Юлии.

Совместно с работниками Вильнюсской милиции под видом проверки соблюдения паспортного режима я вечером в воскресенье явился к матери Саулич. Веры дома не было.

Ничего не подозревая, Саулич Юлия мне рассказала, что накануне моего прихода ее дочь Саулич Вера из Вильнюса уехала в г. Лиду БССР к своей сестре Лавникович Зинаиде. Адрес Лавникович мне назвали. В ту же ночь я дал телефонограмму на имя начальника Лиде ского РОМ МВД с просьбой немедленно задержать в г. Лиде Саулич. На следующий день из г. Лиды был получен ответ, что Саулич задержана.

Получив сообщение о задержании Саулич, я с постановлением на арест и этапирование Саулич выехал в г. Лиду. На допросе Саулич я последовательно изложил ей все доказательства, изобличающие ее в совершении поджога.

Поняв бессмыслицу отрицания своей вины, Саулич полностью признала себя виновной в совершении поджога. Поджог, по ее словам, она совершила с целью мести Граховскому за то, что он ее оставил и женился на Чернюк.

Народный суд осудил Саулич к трем годам лишения свободы.

Старший следователь прокуратуры
Калининской области
юрист 1-го класса
А. М. Ларин

О ЧЕМ РАССКАЗАЛИ ДОКУМЕНТЫ

В 1954—1958 гг. в Калининской машинно-дорожной станции № 7 (МДС-7), производившей ремонт и строительство автомобильных дорог, действовала группа расхитителей во главе с главным бухгалтером Дочкиным. Пользуясь полным отсутствием контроля и беспечным отношением к финансовой деятельности предприятия со стороны директора МДС-7 Соколова, также привлеченного к уголовной ответственности по данному делу, группа преступников расхитила более четверти миллиона государственных средств.

Дочкин, совершая различные преступные махинации в участии счетовода-кассира Якимовой, начальника отряда Густихина, инженера Педжика и других лиц, впоследствии также осужденных по данному делу, действовал так, что его преступные связи с каждым из соучастников не были известны другим членам преступной группы.

В результате этой «конспирации» Якимова, заметив однажды, что Педжик представил в качестве оправдательных документов за полученный аванс поддельные ведомости, и желая продемонстрировать свою «честность», сообщила об этом факте Соколову. О преступных связях Педжика с Дочкиным она не знала. Дочкина на место в тот момент не было, и когда он, вернувшись, попытался «замять дело» — было уже поздно.

Соколов направил в прокуратуру Завидовского района Калининской области материал о присвоении Нелликом 1100 руб. и составлении с этой целью поддельных нарядов и ведомостей на выдачу зарплаты.

Поскольку этот случай имел место еще до 1 ноября 1957 г., прокурор района в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии в ознаменование 40-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции», в возбуждении уголовного дела отказал, предложив дирекции МДС-7 взыскать с Педжика сумму причиненного им ущерба в порядке гражданского судопроизводства.

Тогда Педжик, желая отомстить Соколову, подал в государственные и партийные органы ряд заявлений о хищениях в МДС-7, совершенных лично Соколовым и с участием последнего.

Только после этого была назначена ревизия финансово-хозяйственной деятельности МДС-7. Ревизия установила, что план строительства и капитального ремонта дорог не выполнялся, систематически производились расходы, не предусмотренные планом, задолженность и убытки списывались главным бухгалтером Дочкиным под видом расходов на ремонт дорог и т. д. В акте ревизии были отмечены факты оплаты заведомо поддельных документов, скрытия от учета выдачи подотчетных сумм и вторичной проводки по расходу кассы ранее оплаченных документов. Приводились также факты неоприходования кассиром Якимовой денег, полученных по чекам из Госбанка, скрытия Дочкиным образовавшейся в связи с этим недостачи бухгалтерскими проводками и т. п.

По материалам ревизии было возбуждено уголовное дело.

На допросах кассир Якимова, признавая все преступные операции, заявила, что деньги у нее отбирал главный бухгалтер Дочкин.

Дочкин с выводами ревизии также согласился, но объяснил все исключительно своей халатностью. Он утверждал, что ни копейки денег себе не брал, а Якимова сваливает на него свою вину.

Большинство подотчетных лиц отрицали выведенную за ними задолженность. Они заявляли, что на полученные из кассы деньги сдали оправдательные документы, которые исчезли куда-то. Двое работников МДС-7 — Дубова и Суворов — отрицали сам факт получения денег под отчет, ссылаясь на подложность подписей в расходных кассовых ордерах.

Вскоре уголовное дело о хищениях в МДС-7 было передано мне для дальнейшего расследования.

На основании изучения материалов дела представлялось несомненным, что преступники использовали различные способы хищения денежных средств и общая сумма похищенного, по-видимому, значительно больше установленной ревизией недостачи. Нужно было выяснить, какие именно способы хищений использовали преступники, сколько они похитили денег и кто именно, кроме Дочкина и Якимовой, участвовал в хищении.

Конечно, на помочь Дочкина и Якимовой в выяснении этих вопросов рассчитывать не приходилось. Забегая немного вперед, скажу, что, когда я допрашивал Дочкина по результатам ревизии, я задал ему вопрос:

— Почему вы относили суммы, фактически перечисленные магазину № 15, на расчеты с Главмашбытком и другими организациями?

Последовал ответ:

Я ошибался.

Но ошибиться можно один раз, — снова спрашивал я. — Почему же в отношении магазина № 15 вы постоянно делали подобные записи?

Я ошибался, ошибался без конца, — твердил Дочкин.

Как выяснилось позже, еще до возбуждения уголовного дела, когда ревизия стала вскрывать отдельные преступные операции, Дочкин инструктировал связанных с ним лиц о том, как давать ложные показания. Поэтому не случайно первые допросы Дочкина и других лиц не давали положительных результатов.

Основным исходным материалом для расследования служил акт ревизии.

В акте ревизии было указано, что бухгалтерский учет в МДС-7 запутан, бухгалтерские проверки не соответствуют первичным документам, годовой отчет не отражает действительного состояния финансово-хозяйственной деятельности.

Особенно запутанным был учет движения подотчетных сумм. Так, по счету подотчетных лиц на начало года значилось лебетовое saldo 40,6 тыс. руб., а в бухгалтерском отчете за год — только 3,2 тыс. руб. Фактически

РЕПОЗИТОРИЙ

по данным ревизии задолженность по подотчетным суммам составила 60 тыс. руб. За начальником отряда Густихиным, например, по данным бухгалтерского учета значилась задолженность 621 р. 53 к., а по кассовым документам и авансовым отчетам — 8828 р. 62 к. Дочкин без всяких оснований в одном случае уменьшил остаток на 735 руб., а в другом случае — списал 972 руб., в третьем — не сделал записи в выдаче под отчет 3500 руб. и т. д.

Бухгалтер-ревизор на мой вопрос о том, что же нужно сделать для выверки баланса и восстановления учета движений подотчетных сумм, ответил: для этого потребуется полная переработка всех бухгалтерских документов с 1954 по 1958 год. Естественно, что такую работу невозможно проделать ни за неделю, ни за месяц.

Однако в целях полного раскрытия преступления это представлялось необходимым.

Чтобы ускорить эту работу, была создана специальная бригада бухгалтеров. По приведенным в систему первичным документам была проведена повторная документальная ревизия. Параллельно с работой ревизоров велось расследование. Взаимная помощь делала работу продуктивной. Данные, поступающие ко мне при допросах и иных следственных действиях, с помощью ревизоров проверялись по документам. Некоторые вопросы, возникающие у ревизоров, выяснялись следственным путем.

Еще до окончания ревизии была назначена судебно-бухгалтерская экспертиза. Она была поручена группе в составе четырех экспертов-бухгалтеров.

В постановлении о назначении экспертизы я сформулировал лишь основные вопросы. В дальнейшем, при возникновении новых вопросов, они фиксировались в дополнительных постановлениях. Всего перед экспертами было поставлено около 40 вопросов, касающихся деятельности каждого из обвиняемых, число которых достигло 15.

Благодаря такой организации работы с документами была закончена в сравнительно короткий срок — четыре месяца, а все расследование дела длилось около шести месяцев.

В ходе следствия мне оказывали помощь несколько следователей районных прокуратур, а также работники милиции. Они участвовали в производстве отдельных

следственных действий или выполняли их самостоятельно. Я искренне благодарен этим товарищам за их помощь.

В данной статье вряд ли нужно подробно излагать весь ход расследования. Поэтому я остановлюсь на характеристике способов хищений, применявшихся преступниками, и на том, как они нами выявлялись.

Как указывалось выше, ревизией была установлена значительная задолженность по подотчетным суммам, не отраженная по балансу и финансовому отчету.

Прежде чем говорить с подотчетными лицами, мы решили «поговорить» с документами. Тщательные осмотры и изучение бухгалтерских документов и лицевых счетов, произведенные мною совместно с ревизорами, позволили разделить эти документы на две основные группы:

К первой группе мы отнесли документы тех лиц, задолженность которых по подотчетным суммам была определена ревизорами в размере от 1 тыс. руб. до 4 тыс. руб. Относительно небольшой размер этих недостач и некоторые другие данные указывали на то, что если между Дочкиным и этими лицами и были преступные отношения, то они носили случайный, неустойчивый характер.

Ко второй группе мы отнесли документы, выписанные на 9 человек, каждый из которых имел недостачу подотчетных сумм от 5 тыс. руб. до 44 тыс. руб. Это были руководящие работники и служащие конторы МДС?

Они систематически брали деньги из кассы, хотя во время работы им это и не требовалось. Выдачу им денег под отчет в лицевых счетах Дочкин не отражал.

Оценив все эти данные, мы решили вначале допросить лиц, документы на имя которых были отнесены в первую группу. Один из них, слесарь-арматурщик Суворов, в объяснениях по первому акту ревизии утверждал, что пользовался от его имени в получении денег под отчет тем же подделаны. Однако заключение почерковедческой экспертизы опровергло эти его показания.

Когда я об этом сказал Суворову, он изменил свои показания и рассказал, что по предложению Дочкина он несколько раз брал из кассы деньги под отчет и отдавал их Дочкину. Как и было условлено между ними, Дочкин

эти суммы в его лицевой счет не заносил и их не удерживал.

Но не во всех случаях было так просто получить правдивые показания.

Слесари Платонов и Бобров на допросах вначале говорили, что взятые под отчет деньги ими были израсходованы при поездке в командировку, о чем они представили авансовые отчеты. Куда бухгалтер дел эти отчеты, они не знают.

Для проверки показаний Боброва и Платонова их документы по подотчетным суммам были сопоставлены с табелями выхода их на работу. В результате такого сопоставления стало очевидным, что эти рабочие получали из кассы деньги под отчет в такие периоды, когда ни в какие командировки они не направлялись. Показания Боброва и Платонова были опровергнуты.

Такого рода сопоставления производились путем осмотра документов с участием эксперта-бухгалтера, обвиняемого Дочкина, а также соответствующего подотчетного лица. Установленные при этом данные я фиксировал в протоколе осмотра, который подписывался всеми участниками осмотра. Протоколы использовались затем экспертами-бухгалтерами при определении суммы похищенных денег под видом выдачи их под отчет. Наличие протоколов осмотра избавляло от необходимости загромождать дело большим количеством документов, имеющих весьма косвенное отношение к делу.

Использование полученных таким путем доказательств при допросах привело к тому, что рабочие Платонов, Бобров, Гусев, Хомутов, Яковлев и другие, подобно Суворову, в конечном счете рассказали о том, как Дочкин подпинал их и втягивал в преступление. Они рассказали, что первое время боялись говорить правду, так как Дочкин их запугивал¹.

Предстояло выяснить роль и степень участия в хищении другой группы подотчетных лиц — начальников

¹ Суворов, Бобров, Платонов, Яковлев и некоторые другие рабочие стали на путь преступлений исключительно под влиянием Дочкина, уже в ходе расследования глубоко раскаялись в совершенном и были освобождены от уголовной ответственности в порядке ст. 43 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, и коллективу МДС было доверено их перевоспитание.

отрядов Густихина, Грибова, Кащенко, механика Михайлова, кладовщиков Коряковского и Забурдаевой, десятника Терентьева, инженера Педжика.

Лишь один из них, Коряковский, на первом же допросе сознался, что недостающие подотчетные суммы похищены им совместно с Дочкиным.

Другие же вначале отрицали свою вину и говорили, что израсходовали деньги в интересах производства, а оправдательные документы отдали Дочкину. Он, видимо, их уничтожил. Таким объяснениям я не верил. Но этого, конечно, было недостаточно для опровержения доводов, выдвигаемых подозреваемыми в хищении лицами.

Необходимо было выяснить, производились ли те расходы, на которые якобы ушли подотчетные деньги, оприходованы ли те материальные ценности, на покупку которых они якобы выдавались.

Результаты проверки, зафиксированные в многочисленных протоколах осмотров разного рода документов, были отрицательными. Осмотры производились с участием экспертов и заинтересованных лиц, большинству из которых уже было предъявлено обвинение.

Убедившись в разоблачении их ложных объяснений, Густихин, Забурдаева, Терентьев, Кащенко, Грибов, Педжик один за другим стали частично или полностью сознаваться в совершенных ими совместно с Дочкиным хищениях подотчетных сумм.

Несколько подробнее хочу остановиться на выявлении еще одного способа хищения подотчетных денег.

В документах кассы за июнь 1956 года имелись два ордера на выдачу одной из работниц МДС-7 — Дубовой 5300 руб. Дубова утверждала, что этих денег не получала и, следовательно, подписи от ее имени в расходных кассовых ордерах кем-то подделаны. Почему выдача этих сумм оказалась завуалированной в бухгалтерских документах, Дубова пояснить не могла.

Однако криминалистическая экспертиза установила подлинность подписей Дубовой. Дубова продолжала повторять на своем. Она принесла тетрадь, в которой записывала полученные ею подотчетные суммы за 1956 год. Сумма 5300 руб. в тетради не фигурировала.

И решил еще раз проверить ее объяснения. Осмотрев тетрадь документов, я обратил внимание на то, что расписание ордера на выдачу денег Дубовой по сорту бумаги

и по формату несколько отличались от других ордеров, проведенных по кассе в том же месяце. При рассмотрении этих же ордеров через сильную лупу мне удалось заметить, что в обозначении 1956 года последняя цифра — шестерка — содержит штрих, отличающийся по оттенку от цвета чернил, которыми исполнен остальной текст ордера. Это навело меня на мысль о подделке дат на ордерах, о том, что документы относятся не к 1956, а к какому-либо предшествующему году.

Взяв кассовые отчеты за июнь 1955 года, я обнаружил ордера на выдачу той же Дубовой 5300 руб. Однако в ордерах за 1955 год подписи от имени Дубовой были грубо подделаны. Подписи Дочкина и Якимовой в этих ордерах были подлинными. Допрошенная в связи с этим Дубова показала, что подписи в ордерах выполнены не ею, хотя в июне 1955 года она получала 5300 руб. и за них расписывалась.

Криминалистической экспертизой было установлено, что в исследуемых ордерах за 1956 год в цифрах «6» штрихи имеют различный оттенок и под ними обнаруживаются штрихи, составляющие цифру «5», т. е. в документах первоначально был указан 1955 год. Подписи от имени Дубовой в ордерах за 1955 год выполнены не Дубовой, а кем-то другим¹.

При наличии этих данных кассиру Якимовой не осталось ничего другого, как рассказать о проделанной ею совместно с Дочкиным комбинации. Имея в виду, что документы за 1955 год уже проверялись в порядке ведомственной ревизии и повторной ревизии, как они предполагали, не будет, в июне 1956 года они изъяли из этих документов ордера на выплату Дубовой 5300 руб. Переправив в них даты, Дочкин и Якимова провели эти ордера повторно в расход, а соответствующую сумму наличных денег изъяли из кассы. На место изъятых ордеров в документы 1955 года выписали и вложили «дубликаты», подделав подписи Дубовой.

Всего за четыре с половиной года Дочкиным и его соучастниками под видом выдачи подотчетных сумм было похищено 170 тыс. руб.

¹ По делу было произведено шесть криминалистических экспертиз документов в Ленинградской НИКЛ экспертами тт. Башиловой, Кудымковым, Тувовой и Штемпелем, заключения которых имели очень важное значение для дела. — А. Л.

Для скрытия хищений Дочкин не делал записей о выданных суммах в лицевых счетах подотчетных лиц и разницу между счетом кассы, где значилась выдача денег, и счетом подотчетных лиц он «регулировал», относя похищенные суммы на счет результатов производства, увеличивая сумму убытков и уменьшая сумму прибылей.

Другим методом хищения денег из кассы, который применяли Дочкин и Якимова, было неоприходование наличных сумм, полученных Якимовой по чекам из банка.

Дочкин учитывал, что многие ревизоры, сличая записи в кассовых отчетах о поступлении денег с корешками чеков по чековой книжке, не находят при этом нужным проверять в отчетах кассира арифметическую правильность итогов. Имея это в виду, он научил кассира Якимову записывать в кассовый отчет все поступления денег, но намеченные для хищений суммы не включать в арифметический итог.

Дочкин, составляя в свою очередь ведомость о расходе денег с расчетного счета, суммы, похищенные из кассы, показывал как перечисленные безналичным порядком другим организациям. В других случаях он просто механически уменьшал в итоге сумму поступлений наличных денег из банка так, чтобы не было расхождений между этой ведомостью и кассовыми документами.

В результате семи таких операций было похищено 11 500 руб.

Когда был выявлен данный способ хищения, я сделал вывод, что Дочкин совершил их, явно рассчитывая на несение сверх записей в расчетном счете с первичными документами, хранящимися в банке. Поэтому нами была произведена проверка всех операций по расчетному счету путем сличения первичных документов, хранившихся в банке, с аналогичными документами в МДС-7. Эта проверка вскрыла много фактов хищений денег из кассы, совершенных еще одним способом — путем использования акцептованных платежных поручений.

Акцептованные платежные поручения применяются для отправки денежных почтовых и телеграфных переводов в порядке безналичного платежа. Составленное в пустятерии той или иной организации платежное поручениедается в банк. Затем один экземпляр такого

поручения с соответствующими отметками, подписями и печатью банка возвращается представителю данной организации для сдачи на почту. Учреждения связи принимают такие акцептованные поручения вместо наличных денег. Получаемые при этом отправителями квитанции ничем не отличаются от тех, которые выдаются при приеме наличных денег.

Это-то и использовали Дочкин и Якимова. Вместо того чтобы приложить квитанции к проводкам с банковскими документами, они прилагали их к отчетам кассы как якобы оплаченные наличными деньгами. Соответствующие суммы списывались в расход по кассовым отчетам. Это приводило к образованию в кассе излишка наличности, который немедленно изымался.

Дочкин «освоил» этот метод уже незадолго до ареста. Тем не менее он с Якимовой успел таким образом проделать четыре операции, похитив 13 600 руб.

В ходе проверки операций МДС-7 по расчетному счету были вскрыты хищения, которые уже выходили за пределы машинно-дорожной станции.

Еще при осмотре документов в МДС-7 обратило на себя внимание то обстоятельство, что сделанные при расшифровке выписок из расчетного счета записи о перечислении денег автосбыту, главснабу, авторемзаводу и другим организациям не подтверждены копиями поручений. В других случаях такие копии имелись, но они не были заверены обязательным для этих документов штампом банка.

На мой запрос по поводу этих сумм банк ответил, что деньги, значащиеся по записям Дочкина перечисленными главснабу, авторемзаводу и т.д., в действительности перечислены ряду магазинов. В частности, 29 тыс. руб. по 14 поручениям поступили на расчетный счет магазина № 15 горпромторга, 8 тыс. руб. по трем поручениям на счет магазина главспорторга, 5 600 руб. по двум поручениям — магазину облкниготорга и 2 700 руб. — магазину Дубовского сельпо.

В этих магазинах я изъял счета, где значился отпуск для МДС-7 канцелярских и некоторых хозяйственных товаров.

При счетах имелись доверенности, в которых в качестве получателей товаров были указаны работники МДС-7 Михайлова, Орлова, Коряковский, Вагжанова,

Якимова и Педжик. Было очевидно, что маскировка расчетов с магазинами является следствием каких-то преступных комбинаций. Возникло предположение, что поговору с торговыми работниками Дочкин вместо канцелярских принадлежностей брал в магазинах деньги. Это мнение укрепилось в результате допроса лиц, указанных в доверенностях в качестве получателей. Все они, кроме Педжика, показали, что никаких товаров из магазинов не привозили, а расписались в получении товаров на доверенностях и счетах по просьбе Дочкина, который говорил им, что товары получит сам.

Когда эти, казалось бы, веские доказательства были предъявлены Дочкину, он и виду не подал, что уличен в новом преступлении. Показания свидетелей о том, что они только расписывались в получении товаров, Дочкин объявил ложью. Отнесение по бухгалтерскому учету денег не на магазины, а на другие организации Дочкин, как и в других «затруднительных ситуациях», объяснял исключительно своей рассеянностью.

Обвиняемый Педжик также заявил, что все товары по счетам из магазинов он получил и доставил в МДС-7.

Делая некоторое отступление, хочу остановиться на фигуре Педжика. Несколько лет он провел в местах заключения, отбывая наказание за хищение лошадей. Будучи по природе человеком общительным, неглупым и любознательным, там он проявлял большой интерес к делам других заключенных и многим помогал в составлении всякого рода жалоб и заявлений. Там же он понял, что существуют преступные промыслы, менее опасные и более выгодные, чем конокрадство.

Вернувшись из места заключения, Педжик приехал в Евпаторию, приоделся и явился в МДС-7, предложив свои услуги в качестве юристконсульта. Такой штатной единицы в МДС не было, но Педжик смог убедить директора МДС-7 Соколова в своей незаменимости и был назначен на вакантную должность инженера. Работая в МДС-7, Педжик не отказывался ни от какой работы — судил и судил, улаживал спорные вопросы с заказчиками и поставщиками, редактировал отчеты в вышестоящие организации, подменял заболевших начальников отрядов и т.д. Он же был лучшим другом и советчиком Дочкина и Евпатории.

Но незадолго до возникновения дела, которое здесь описывается, Педжик был замечен в подделке платежных ведомостей, о чем указывалось в начале статьи, и Соколов был вынужден его уволить. Педжик в своих заявлениях в партийные органы и прокуратуру требовал разоблачения преступлений, творимых в МДС-7. О своей роли в этих делах Педжик скромно умалчивал.

Показания Дочкина и Педжика об операциях с магазинами были явно несостоятельны. Для того, чтобы выяснить действительное назначение этих операций, роль и степень участия в преступлении работникам магазинов, нужны были правдивые показания Дочкина и Педжика. С кем именно вступали в сделку Дочкин и Педжик, определить по документам было нельзя, так как действующими правилами, к сожалению, не предусмотрено, чтобы работник, производящий отпуск товаров по счету, подтверждал это своей подписью. Поэтому я стремился убедить Дочкина и Педжика сказать правду.

Для изобличения связанных с Дочкиным торговых работников надо было искать новые доказательства.

В магазинах, от которых исходили счета, я назначил документальные ревизии.

Благодаря использованию ревизорами метода контрольного сличения, было установлено, что в счета, предъявлявшиеся к МДС-7, включались такие товары и в таких количествах, которых в магазинах не было. После этого можно было вызывать на допросы следующих магазинами. Первым правдивые показания дал Новиков из магазина Молодогвардейского сельпо. Он рассказал, что по сговору с Педжиком отдал ему вместо значившихся в счете товаров наличные деньги. Когда я предъявил эти показания Педжику, то и он сознался, рассказав, что из этой же суммы кое-что получил и сам Новиков. Львиная доля, как всегда, досталась Дочкину.

Другие работники магазинов—Алексеенко, Белякова, Вовченко преступную связь с Дочкиным по-прежнему отрицали. Исследование операций между МДС-7 и магазинами было продолжено.

В счетах магазина № 15 горпромторга и магазина № 3 облкниготорга значились отправленными в МДС-7 большие количества разного рода бланков и книг бухгалтерского учета. Между тем, после ареста Дочкина

всех этих книг и бланков в МДС-7 почти не осталось. Я поставил перед экспертом вопрос, на какое время хватило бы МДС-7 бланков бухгалтерских документов, полученных по счетам магазинов в 1957—1958 гг.

Совместно с экспертом мы тщательно исследовали текущую и архивную документацию МДС-7. Результаты исследования были зафиксированы в составленном мною протоколе осмотра при участии эксперта, понятых и обвиняемого Дочкина. Затем, произведя расчет, эксперт дал заключение о том, что указанных в счетах бланков должно было хватить на несколько десятков лет. Бланков некоторых наименований хватило бы на 140 лет, т. е. до 2098 года!

Посмотрев на это заключение, Дочкин сказал, что бланков действительно много, и этим замечанием решил было ограничиться, но я продолжил допрос. На вопрос о том, как доставлялись товары из магазинов в МДС-7, Дочкин назвал шоферов, на чьих машинах он чтобы ездил в магазины. Когда на очных ставках шоферы заявили, что ничего из магазинов не возили, Дочкин сказал, что бланки из магазинов он сам доставлял на трамвае.

Тогда я повел Дочкина в писчебумажный магазин. Там я попросил отобрать мне товары, значившиеся в одном из счетов на 2700 руб. На пол выложили внушительный штабель бумаги. Мы с понятыми обмерили и взвесили этот штабель. В нем оказалось 0,6 куб. м бумаги общим весом в 258 кг. Вес и объем явно были не удобны для провоза в трамвае... После этого несложного следственного эксперимента поведение Дочкина изменилось.

Весь обратный путь до прокуратуры он молчал, а войдя ко мне в кабинет, попросил бумаги. В собственноручном заявлении, которое он писал с перерывами в течение нескольких дней, Дочкин подробно описал совершенные им преступления и назвал своих соучастников. После этого было уже легче изобличить Алексеенко, Белякову и других участников преступления.

За попустительство расхитителям к уголовной ответственности по этому делу был привлечен и директор МДС-7 Соколов. Не участвуя лично в хищениях, Соколов позволил себе совершенно недопустимые в хозяйственной практике поступки. Не вникая в финансовую

деятельность и всецело полагаясь на Дочкина, Соколов уезжая в командировки, обычно подписывал незаполненные бланки чеков, платежных поручений, доверенностей. Задним числом он, не читая, утверждал уже оплаченные расходные кассовые ордера и прочие денежные документы.

На допросе Соколов не мог не признать, что его преступное благодушие и халатность дали простор расхитителям Дочкину, Педжику и прочим.

Значительное большинство (14 из 15) обвиняемых по делу частично или полностью сознались в совершенных ими серьезных преступлениях в связи с тем, что следствие обеспечивало максимальное участие обвиняемых в исследовании доказательств. При осмотрах и допросах каждому обвиняемому последовательно и планомерно предъявлялись и детально с ним обсуждались документы, показания свидетелей и других обвиняемых, а также прочие доказательства, на основе которых у меня складывалось мнение о виновности данного лица. В результате и обвиняемый проникался в убеждением в том, что его вина явно доказана и запишется в доказательство бесцельно. Причем, решающее значение для изобличения преступников имели именно документы.

Уголовное дело по обвинению Дочкина и других было рассмотрено Калининским областным судом. Все обвиняемые признаны виновными и осуждены к строгим мерам наказания. Судом удовлетворен гражданский иск в сумме 253 тыс. руб.

Следователь прокуратуры
г. Джамбула Казахской ССР
юрист 2-го класса
И. Г. Гершензон

ОБЩЕСТВЕННИКИ ПОМОГЛИ УСТАНОВИТЬ УБИЙЦУ

Вечером 17 июня 1960 г. на танцевальной площадке городского парка г. Джамбула ударом ножа в область горла был убит юноша Анатолий Нестеров. Убийца с места происшествия скрылся, и к моменту прибытия работников милиции около трупа находилось только несколько человек — брат потерпевшего и его друзья. Один из друзей — Дроздов видел, как Анатолий во время танца случайно задел какого-то парня, за что последний обругал его нецензурными словами. Анатолий подошел к нему, желая выяснить, в чем дело. В этот момент парень нанес ему удар ножом и скрылся в толпе танцующих. Дроздов успел заметить, что убийца высокого роста, лет 18—20, худощавый, одет в серый костюм с колониенную шляпу с черной лентой. Вместе с ним был еще какой-то молодой человек, примерно такого же возраста, но несколько ниже ростом.

Первоочередной задачей следствия явилось установление убийцы. Погибший Нестеров, учащийся школы № 14, характеризовался с положительной стороны, не имел никаких отношений ни с кем не имел. По характеру убийства можно было предположить, что оно совершено в хулиганских побуждений лицом, ранее незнакомым Нестеровым.

Не исключалось, что убийцей является один из загодатеев танцплощадки, а поэтому его могли видеть и даже знать другие постоянные посетители. Выявить склонных к таким преступлениям людей было необходимо. Но как это сделать? Прийти

вечером самому на площадку во время танцев и обратиться к танцующим с призывом помочь следствию? Это было бы нецелесообразно, да и подобное обращение могло насторожить как самого преступника, так и его товарищей.

Поэтому я решил пойти по иному пути. Через родственников и знакомых потерпевшего я выявил 18—20 молодых ребят, хороших общественников, собрал их и, рассказав об обстоятельствах убийства, предложил им принять участие в задуманном мной мероприятии. Они охотно согласились. Поручение заключалось в следующем: ребята должны были вечером пойти на танцплощадку, принять активное участие в танцах и, разговаривая с молодежью, выявить лиц, которым известно что-либо об обстоятельствах вчерашнего убийства Нестерова.

В первый же вечер мои добровольные помощники выявили несколько очевидцев убийства Нестерова. Последующие допросы этих лиц в качестве свидетелей помогли собрать некоторые данные о внешности преступника и об обстоятельствах убийства, которые полностью совпадали с показаниями Дроздова. Однако никто из допрошенных лиц убийцу не знал и не мог назвать ни его фамилии, ни имени.

На следующий вечер мы повторили это мероприятие. На этот раз результаты были более существенными. Один из наших молодых людей познакомился с некой Поликановой, и она рассказала ему, что 17 июня танцевала с парнем по имени «Венка», фамилии его она не знала. Он худощав, высок ростом, одет был в серый костюм и соломенную шляпу. С этим парнем ранее дружила ее подруга Л. Ковба, но прекратила дружбу из-за хулиганского поведения Венки.

Немедленно после допроса Поликановой была допрошена ее подруга Л. Ковба. Она рассказала, что Венка — это Вениамин Бриль, который работает в обводстрое. Точного адреса Бриля Ковба не знала. Приметы Бриля, сообщенные Ковбой, совпадали с приметами убийцы, о которых нам было уже известно из показаний Дроздова и других очевидцев преступления.

В конторе обводстроя было установлено, что Вениамин Бриль до 18 июня был в г. Джамбуле и в этот день он неожиданно уехал в бригаду, работавшую в степи на отдаленном участке отгонного животноводства,

в 200 км от г. Джамбула. Работниками обводстроя Бриль характеризовался отрицательно.

Учитывая совпадение примет Бриля с приметами убийцы Анатolia Нестерова, неожиданный отъезд его из г. Джамбула и систематическое хулиганское поведение, мы решили немедленно задержать его и предъявить для опознания свидетелям.

На машине обводстроя с шофером, хорошо знавшим дорогу, я и двое работников милиции приехали в 23 час. в бригаду, которая в это время ужинала. По приметам мы узнали Бриля, заметно взъяренного при нашем появлении. Не ускользнуло от нашего внимания и то, что Бриль, увидев нас, попытался уйти. Но это ему не удалось. Он сразу же был задержан и изолирован. Прежде чем приступить к допросу самого Бриля, я допросил старшего мастера и других работников бригады. Они показали, что Бриль приехал в бригаду совершенно неожиданно, хотя ему следовало быть в другой группе бригады, работающей в ином месте. Причину неожиданного приезда Бриль им не объяснил.

Допрос Бриля не отличался сложностью. Очевидно, тут большую роль сыграла внезапность нашего появления в бригаде. После первых же вопросов он сознался в убийстве на танцплощадке городского парка незнакомого ему молодого человека. Он назвал и товарища, с которым вместе был в парке. При нем он и ударил молодого человека ножом. Показания приятеля Бриля оказались очень важными для дела.

В дальнейшем Бриль был предъявлен очевидцам преступления. Они опознали в нем убийцу Нестерова.

Так мои добровольные помощники — молодые общественники помогли мне разыскать важную свидетельницу Поликанову, после допроса которой следствию уже не пришлось преодолевать особых трудностей. Расследование дела было закончено в течение трех дней. Убийца сурово наказан.

Прокурор Кировского р-на г. Уфы
младший советник юстиции
A. P. Нигматулин

ВЫЯВЛЕНИЕ И УСТРАНЕНИЕ УСЛОВИЙ, СПОСОБСТВУЮЩИХ СОВЕРШЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

31 декабря 1960 г. 17-летний Владимир Бурмистров вместе со своими друзьями Шареевым и Пахомовым пришли в женское общежитие Строительно-монтажного управления Министерства торговли Башкирской АССР, расположенного на окраине г. Уфы. Все были сильно пьяны, но принесли с собой еще лимит водки. Встречать Новый год в общежитии их не приглашали, но с «помощью» водки Бурмистров, Шареев и Пахомов надеялись завязать знакомство. Нашлись девушки, которые пригласили их к себе, и вместе с ними пили водку. Вскоре Бурмистров, Шареев и Пахомов в коридоре общежития завязали драку и начали избивать Филиппова и Гильмутдинова, отмечавших в общежитии со своими товарищами по работе встречу Нового года. Когда дерущихся попытались разнять дружинник Антонов, Бурмистров сбил его с ног и, дважды ударив ножом в спину, скрылся со своими приятелями.

Драка происходила на глазах у большого числа людей, запомнивших хулиганов, и уже на следующее утро все трое были задержаны. Бурмистров сразу признался в совершенном преступлении, многочисленные свидетели, в том числе и друзья Бурмистрова, подтвердили его показания.

Казалось бы, все было выяснено, в том числе и условия, способствовавшие совершению преступления: все трое были пьяны. Однако следователь не ограничился

42

этим. О Бурмистрове хорошо отзывались на работе. Всю зарплату он отдавал матери. Нужно было установить, на какие средства и в связи с чем он мог так щедро угощать своих знакомых. На допросах Шареев и Пахомов рассказали, что перед приходом в общежитие они на квартире у Бурмистрова в отсутствие его родителей пили спирт, Бурмистров отрицал это. Но после очных ставок с приятелями он рассказал следующее: в канун Нового года Майборода — управляющий центральным аптечным складом, где Бурмистров работал грузчиком, распорядился отпустить нескольким рабочим, в том числе и ему, по 1 л спирта за хорошую работу. Бурмистров получил спирт от заведующей отделом Четвериковой и лаборантки Колесниковой. Он был налит в специальную литровую аптечную посуду с надписью на наклееной этикетке «Вове».

При обыске на квартире у Бурмистрова нашли «именную» посуду. Лаборантка Колесникова подтвердила, что она передавала Бурмистрову спирт по указанию заведующей отделом Четвериковой.

Последняя, узнав о показаниях Бурмистрова и Колесниковой, рассказала, что спирт стоимостью 11 руб. за 1 кг она отпускала по запискам управляющего складом Майбороды. Много такого рода записок к ней поступило перед Новым годом.

В служебном столе Колесниковой было изъято 8 записок на отпуск 9,5 кг спирта, датированные 29, 30 и 31 декабря 1960 г.

Майборода, вызванный в прокуратуру, сначала категорически отрицал свою причастность к отпуску спирта, заявляя, что его оговаривают подчиненные. Но когда следователь предъявил Майбороде его расписки, он признался, что действительно давал указания об отпуске отдельным лицам спирта, предназначенного для приготовления лекарств.

В дальнейшем, в ходе расследования выяснилось, что разбазаривание спирта с центрального склада было скрыто путем оформления документов на отпуск спирта в аптеке № 48. Однако он туда не поступил, а заведующему этой аптекой Балонову Четверикова передала 31 декабря 220 руб. — стоимость разданного спирта.

Так было установлено, что неумеренное употребление спирта, полученного от «благодетеля» Майбороды,

43

способствовало тому, что рабочий аптечного склада Бурмистров стал преступником.

Следователя заинтересовало и другое обстоятельство: почему преступление совершено именно в общежитии СМУ. Неподалеку от дома Бурмистрова было еще два женских общежития. Но приятели пошли не туда, а направились в общежитие СМУ, расположенное на окраине города.

Следователь сам посетил общежитие и установил довольно неприглядную картину. Никакой воспитательной работы в общежитии не проводилось. Вход в общежитие в любое время дня и ночи был свободен для каждого, кто пожелал бы туда прийти. Администрация, партийная и профсоюзная организация СМУ совершенно не интересовались жизнью общежития, и оно превратилось в место сбора хулиганов и организации пьялок.

Насколько общественные организации СМУ не интересовались тем, что происходило в общежитии, видно из следующего факта, установленного при расследовании.

В декабре 1960 года гр-ка Мачула — комендант этого общежития, была осуждена за мелкое хулиганство и отбывала наказание в тюрьме. Об этом знали руководители СМУ, но никого такое происшествие не волновало, и даже не был поставлен вопрос о снятии Мачулы с работы. После отбытия наказания, Мачула продолжала безобразничать в общежитии, сама не только принимала участие, но и организовывала попойки с посторонними лицами, приходившими в общежитие. Так выяснилось, почему местом совершения преступления стало женское общежитие СМУ Министерства торговли Башкирской АССР. В связи с установленными фактами незаконного отпуска спирта и спаивания рабочих на аптечном складе, а также неудовлетворительного состояния воспитательной работы в общежитии СМУ Министерства торговли, способствовавших совершению преступления, прокуратура еще до окончания расследования внесла представление в РК КПСС.

РК КПСС, рассмотревший на расширенном заседании бюро представление прокуратуры, поставил на вид начальнику аптечного управления Воронкову за отсутствие должного порядка в отпуске спирта на центральном аптечном складе; ему же было предложено снять с работы Майгороду.

Балонову и Майгороде были объявлены строгие партийные взыскания.

Одновременно бюро предложило Воронкову навести порядок в отпуске спирта не только на центральном складе, но и по всей системе аптечного управления.

Начальник СМУ Министерства торговли, секретарь партбюро и председатель постройкома привлечены к строгой партийной ответственности. Общественным организациям СМУ было предложено разработать меры по устранению недостатков в воспитательной работе в общежитии.

Все следователи прокуратуры Кировского района г. Уфы при расследовании дел занимаются изучением причин и условий, способствующих совершению преступлений.

Большую работу в этом направлении проводит следователь Еникеев З. Д. Если лица, совершившие преступления, работали, тов. Еникеев организует на предприятии обсуждение вскрытых им условий, способствовавших совершению преступления. В ходе этих обсуждений намечаются и с помощью общественности проводятся в жизнь мероприятия, направленные к их устранению. Положительные результаты подобной работы уже дают себя знать. На обслуживаемом т. Еникеевым участке заметно сократилась преступность.

Каким бы незначительным, на первый взгляд, не казалось преступление, следователь Еникеев тщательно изучает условия, благодаря которым оно стало возможным, и принимает соответствующие меры. Примером такой работы может служить дело Труханова.

Работая экспедитором завода № 2, Труханов А. М. с июля 1959 года по 1960 год систематически присваивал государственные средства.

Похитил он сравнительно немного — 3300 руб., и когда на заводе стало известно об этом, то его уволили по собственному желанию, взяв обязательство возместить ущерб. Расследуя дело, т. Еникеев выяснил, что только безответственное отношение работников отдела материально-технического снабжения и бухгалтерии завода к проверке документов, предъявляемых Трухановым с авансовыми отчетами, позволяло ему совершать хищения. Получая наличные деньги в кассе завода, Труханов отчитывался перед бухгалтерией различными

документами, подтверждающими расход средств якобы на погрузочно-разгрузочные работы. В документах указывалось, что деньги вносились в кассы организации «Службы движения», артель имени «27-й годовщины Октября», Башкирской республиканской конторы Главмясоторга Министерства торговли СССР. Все документы от имени этих организаций Труханов сформировал. Выяснилось, что организация «Службы движения» погрузочно-разгрузочными работами не занимается; артель имени «27-й годовщины Октября» не существует с 1947 года, а контора Главмясоторга была ликвидирована в 1954 году. Главный бухгалтер завода Семенова и ее заместитель Панарина, зная, что все погрузочные работы выполняются штатными грузчиками завода, все же принимали от Труханова документы на эти работы. Никто не проверял содержание документов, представляемых Трухановым. Сверялась только правильность записанных в них сумм с записями в его авансовых отчетах. Поэтому не случайно Труханов на допросе заявил: «Если бы бухгалтерия не принимала такие квитанции с самого начала моей работы, то я не занимался бы таким делом».

Так, беспечное отношение к проверке авансовых отчетов, отсутствие сверки документов с теми организациями, в кассы которых Труханов «платил» деньги, создало на заводе благоприятную почву для расхищения государственных средств.

На эти обстоятельства прокуратура обратила внимание в своем представлении директору завода.

Директор завода сообщил о следующих мерах, принятых в связи с представлением прокурора.

Руководство завода обсудило вопрос о возможности оставления на работе начальника отдела снабжения, утверждавшего отчеты Труханова к оплате. Принятым решением начальник отдела снабжения уволен с завода.

На объединенном совещании работников бухгалтерии, отдела материально-технического обеспечения и сторожевой охраны завода с участием всех лиц, имевших какое-либо отношение к оформлению, приемке и отпуску материалов, были обсуждены условия, давшие возможность Труханову совершать преступления. Работникам бухгалтерии было особенно строго указано на необходимость тщательного просмотра документов, по-

ступающих с материальными отчетами подотчетных лиц.

За истекшие полгода на заводе не было больше ни одного случая хищения государственной собственности путем представления подложных документов.

Из приведенных примеров видно, что установление по каждому делу конкретных причин и условий, способствующих совершению преступлений, и принятие с помощью общественности мер к их устранению являются, на наш взгляд, важнейшим средством в борьбе за сокращение и искоренение преступности.

Старший следователь прокуратуры
Дагестанской АССР
младший советник юстиции
С. Д. Даудов

РАССЛЕДОВАНИЕ КРУПНОГО ХИЩЕНИЯ В СИСТЕМЕ ПОТРЕБКООПЕРАЦИИ

Из ряда расследованных мною дел о крупных хищениях в системе потребительской кооперации наибольший интерес по способам хищения общественной собственности и методам разоблачения расхитителей представляет дело о хищении товарно-материальных ценностей на Буйнакской оптовой базе Дагестанского потребкоопсоюза.

Эта база является крупным торговым предприятием, обслуживающим 17 районов Нагорного Дагестана. В контрольно-ревизионные органы и в прокуратуру неоднократно поступали сигналы о хищениях и злоупотреблениях на базе. Однако ни ведомственные ревизии, ни ревизоры контрольно-ревизионного управления Министерства финансов не могли обнаружить каких-либо незаконных операций или ненадлежаще оформленных документов.

И только тогда, когда заведующему продовольственным складом этой базы З. А. Кишиеву был предоставлен отпуск и в связи с этим началась передача находящихся у него в подотчете материальных ценностей, на базе была обнаружена крупная недостача на сумму свыше 400 тыс. руб. В связи с этим было возбуждено уголовное дело.

По поводу обнаруженной у него недостачи Кишиев дал противоречивые показания. Вначале он заявил, что недостачи у него никакой нет, просто на базе слишком запутан учет. Потом он согласился с ее наличием, но

высказал уверенность, что товары просто кто-то растиршил, пользуясь плохим состоянием охраны. Какие-либо факты, подтверждающие его объяснения, отсутствовали. Никаких данных, которые указывали бы на то, что недостача образовалась в результате плохих условий хранения товаров, их порчи и тому подобных причин, установлено не было. Оставалось единственное объяснение ее образования — совершение хищения. Но кто участвовал в этом преступлении, каким способом оно совершалось? Все это предстояло установить в ходе расследования.

Поскольку Буйнакская база являлась оптовым торговым предприятием, откуда товары за наличный расчет не отпускались, нельзя было предположить, что хищение совершалось путем изъятия выручки. Присвоение товаров в натуре на такую сумму также вряд ли могло иметь место. Поставщиками товаров являлись, как правило, иногородние организации, поэтому говорить с ними также практически было маловероятно.

Оставался еще один путь — хищение вговоре с работниками торговых предприятий, получавших товары на базе у Кишиева.

Исходя из этой версии о способе совершения хищения, я совместно с ревизором Дагпотребсоюза занялся проверкой документов базы на отпуск и вывоз товаров получателями. В результате этой проверки были установлены следующие факты:

1) при сличении корешков пропусков, хранившихся в архиве, с пропусками, находившимися в бухгалтерии, мы обнаружили, что несколько пропусков в бухгалтерских документах отсутствует, хотя соответствующие им корешки были выписаны и сданы в архив;

2) при сличении данных регистрации пропусков и счетов-фактур, которая велась в специальном журнале охранной базы при вывозе товаров, с записями в бухгалтерском учете было установлено, что несколько зарегистрированных в журнале пропусков и счетов-фактур в бухгалтерском учете не отражены и сами эти документы в бухгалтерии отсутствуют.

Проделанная с документами работа была процессуально оформлена протоколом осмотра с участием ревизора Дагпотребсоюза, работников Буйнакской базы и понятых. Книги регистрации счетов-фактур, отобранные

ные нами корешки пропусков были приобщены к делу в качестве вещественных доказательств.

Отсутствие среди бухгалтерских документов пропусков, корешки которых, однако, имелись в архиве, а также счетов-фактур, зарегистрированных работниками охраны в журнале, позволило нам конкретизировать нашу версию о способе совершения хищения.

Оно, по-видимому, совершалось путем вывоза товаров по надлежащему составленным документам, которые затем изымались и по учету не отражались. Вывезенные товары со склада не списывались и на счета получателей не относились. Присвоение денег, вырученных от продажи похищенных таким путем товаров, и составляло, видимо, конечную цель участников преступления.

Исходя из собранных данных, мною был составлен план дальнейшего расследования дела. Он предусматривал выяснение целого ряда обстоятельств.

Необходимо было установить конкретные факты вывоза товаров с последующим уничтожением документов, выяснить, кто являлся их получателем, разыскать машины, на которых вывозились похищаемые товары, выявить всех участников преступления. Следовало выяснить также, как скрывалась при очередных инвентаризациях образовывающаяся в результате хищений недостача.

Для выяснения всех этих обстоятельств необходимо в первую очередь было изучить и изъять документы на автобазах, в райпо, сельпо; допросить работников транспорта по вопросам, связанным с перевозкой похищенных товаров; произвести взаимосверку расчетов Буйнакской базы с райпо и сельпо.

В процессе следствия этот план дополнялся и корректировался в зависимости от тех материалов, которыми пополнялось дело. Расследование дела производилось в тесном контакте с работниками милиции, которые, выполняя мои поручения, вели оперативно-разыскную работу по выявлению фактов и участников хищений, обнаружению похищенных товаров и имущества обвиняемых.

Тщательное изучение первичных и бухгалтерских документов, выявление по ним фактов хищений, установление и допрос всех лиц, имевших отношение к состав-

лению и последующему оформлению операций по выдаче товаров получателям, позволили установить систематически совершаемые Кишиевым и работниками целого ряда райпо и сельпо хищения товаров с последующей их продажей и изъятием выручки.

Основным способом хищения, как мы и предполагали, являлся вывоз товаров получателями с последующим уничтожением основных первичных документов. Вначале, для беспрепятственного вывоза похищаемых товаров с территории базы, документы на них оформлялись надлежащим образом. Бухгалтерия выписывала пропуск на вывоз товаров только на основании счетов-фактур. Поэтому Кишиев, не будучи в сговоре с работниками бухгалтерии, выписывал счета-фактуры на похищаемые товары. В момент вывоза товаров работники охраны регистрировали в журнале и счет-фактуру, и пропуск. Затем эти документы согласно существующему на базе порядку, передавались Кишиеву, который их уничтожал. Операции по вывозу этих товаров в своих отчетах он также не отражал.

Ни корешки пропусков, ни данные регистрации счетов-фактур и пропусков в журнале никем с бухгалтерскими записями не сверялись и хищения товаров не выявлялись.

Вывезенные товары реализовывались в магазинах, а деньги делились между участниками хищения.

Таким способом Кишиев совместно с заведующим Ишкартинского сельпо Халуновым 23 декабря 1958 г. похитил 10 мешков сахара, весом 820 кг, на сумму 8633 руб. Сахар был вывезен в магазин Ишкартинского сельпо и продан. Деньги разделили между собой Кишиев и Халунов. Отпуск этого сахара вначале был оформлен счетом-фактурой № 8642 от 23 декабря 1958 г. После того, как сахар был доставлен в сельпо, все экземпляры счета-фактуры были уничтожены. В бухгалтерию базы сведений об этой операции не поступили. При осмотре журнала регистрации счетов-фактур было выявлено, что счет-фактура № 8642 на сумму 8633 руб. там записан. По учету базы этот счет-фактура не проведен и сумма 8633 руб. со счета склада не списана и на сельпо не отнесена.

Кишиев отрицал этот факт хищения. Вначале он утверждал, что счет-фактура № 8642 был выписан на са-

хар, однако Халунов его не взял, а вместо него получил 10 ящиков спичек. Счет на эти спички им, Кишиевым, был утерян. Халунов вначале также отрицал это хищение.

Однако в совершенном хищении они изобличались следующими доказательствами. При осмотре архивных экземпляров пропусков был обнаружен корешок пропуска № 8636 от 23 декабря 1958 г. на вывоз 10 мешков сахара с территории базы на автомашине № 50-64 согласно счету-фактуре № 8642. В журнале, который вели работники охраны, 23 декабря 1958 г. был зарегистрирован пропуск № 8636 и счет-фактура № 8642. Там было записано, что товар вывез завмаг Халунов. Имелась также запись о возвращении Кишиеву подлинника пропуска, в чем он расписался. Через госавтоинспекцию было установлено, что автомашина № 50-64 принадлежит автобазе Дагпотребсоюза. В бухгалтерии автобазы был обнаружен путевой лист за 23 декабря 1958 г., где имелась запись о перевозке сахара в Ишкартинское сельпо. Через автобазу Дагпотребсоюза был установлен и водитель автомашины № 50-64. Им оказался Магомед Вагаев.

На допросе в качестве свидетеля он показал, что 23 декабря 1958 г. он перевез из Буйнакской оптовой базы в селение Черкей 10 мешков сахара. Этот сахар он сдал заведующему магазином Халунову. При этом присутствовал заведующий промтоварным складом Асадулла Магомедов.

При допросе Магомедов подтвердил эти показания Вагаева. Вагаев и Магомедов подтвердили свои показания на очных ставках с Халуновым. При изучении бухгалтерских документов было установлено, что Ишкартинское сельпо перечислило Буйнакской автобазе стоимость транспортировки сахара на автомашине № 50-64. Это также подтверждало поступление сахара в сельпо.

Собранные следствием документальные данные явились основанием для вывода бухгалтерской экспертизы о том, что отпуск 10 мешков сахара подтверждается документально и что сумма 8633 руб. должна быть отнесена на Кишиева и Халунова.

Когда все указанные выше доказательства были предъявлены Халунову, он признал свою вину и пока-

зал, что действительно получил сахар на базе, не оприходовал его, а после продажи деньги присвоил совместно с Кишиевым.

Аналогичным способом Кишиевым было совершено хищение товарно-материальных ценностей вместе с заведующим складом Ишкартинского сельпо Гамзатовым на сумму в 20 745 руб., с работниками Левашинского района Абуталимовым и Магомедовым на сумму 58 000 руб., по слову с работником Тляратинского района Маджидовым — 40 089 руб., а также с рядом работников других сельпо и района. Всего этим способом было расхищено товаров на сумму свыше 200 000 руб.

Обвинение по всем остальным эпизодам было обосновано такими же доказательствами, как и по эпизоду хищения 10 мешков сахара.

В ходе дальнейшего расследования был установлен еще один способ хищения материальных ценностей Кишиевым и его соучастниками.

При ознакомлении с документами базы и некоторых районах и сельпо было выявлено несколько операций, вызвавших сомнения.

Судя по документам (счетам-фактурам), операции заключались в отправке товаров Кишиевым в магазины района и сельпо. Причем в тот же день получатели этих товаров в свою очередь возвращали Кишиеву аналогичные товары, но более высоких сортов и на большую сумму. Делалось это под тем предлогом, что возвращаемые товары якобы залежались и не находят сбыта. Возникло предположение о бестоварности этих операций и всех составленных в связи с ними счетов-фактур. В результате обмена бестоварными документами в районе и сельпо могли быть созданы суммовые излишки и на соответствующую сумму изъята выручка и поделена между соучастниками.

Так, 28 июля 1958 г. Кишиев выписал счет-фактуру № 5717 на отпуск Нижне-Дженгутайскому сельпо 9360 балок компота по цене 6 р. 70 к. за 1 банку, на общую сумму 62 731 р. 60 к. (с учетом тары). На этом счете в получении товаров расписалась заведующая магазином сельпо Салимгереева. Тем же числом, т. е. 28 июля 1958 г., Кишиев составил счета-фактуры № 320 и 321 о поступлении от Нижне-Дженгутайского сельпо ему на

склад 11 300 банок компота по цене 8 р. 40 к., на общую сумму 95 264 руб. (также с учетом тары).

Допрошенные по поводу этой операции Салимгереева и Кишиев утверждали, что она действительно имела место. Перевозился компот якобы на автомашинах Буйнакской автобазы. Однако при осмотре транспортных документов автобазы было установлено, что за весь 1958 год с базы в магазины Нижне-Дженгутайского сельпо компот не доставлялся. Не было также никакой переброски товаров и из магазинов сельпо на Буйнакскую оптовую базу. Допрошенные работники автобазы показали, что для транспортировки указанного количества компота требуется не менее 5—6 автомашин, а в таком количестве автомашины никогда для сельпо не выделялись. При осмотре на базе журнала регистрации вывезенных товаров было установлено, что 28 июля 1958 г. вывоз компота с базы в ней не зарегистрирован.

Кроме того, изучением приходных документов, а также актов инвентаризации по магазину, которым заведовала Салимгереева, было установлено, что к ней в магазин компот по цене 8 р. 40 к. вообще не поступал и в актах инвентаризации в остатке не значился.

Все это наглядно свидетельствовало о бестоварности операций по доставке компота в магазин сельпо и на базу и всех составленных в связи с ними документов. В акте ревизии, а затем и в заключении судебнобухгалтерской экспертизы этот вывод был подтвержден. В результате составления бестоварных документов на получение магазином и на отправку на базу компота в магазине был создан излишек в 32 532 руб. На одном из допросов Салимгереева призналась, что эти деньги были поделены между ею и Кишиевым.

Таким же способом Кишиев совершал хищения в соучастии с работниками Ишкартинского сельпо и Левшинского района.

В результате оформления бестоварных операций на отпуск и получение товаров между базой, которой заведовал Кишиев, и магазинами в подотчете Кишиева образовалась пересортица, так как бухгалтерия базы приходовала якобы возвращенные магазинами товары по ценам, указанным в бестоварных счетах-фактурах. Для того чтобы ее ликвидировать, Кишиев при отпуске

аналогичных товаров в другие сельпо и райпо завышал сорт и цену товаров.

Общая сумма похищенного в результате всех этих операций, согласно заключению судебнобухгалтерской экспертизы, составила 102 350 руб.

Уже после совершения Кишиевым и его соучастниками многих из выявленных в ходе расследования преступных операций на Буйнакской базе была проведена ревизия. Выявленная ею недостача составила всего 378 руб. Было очевидно, что действительно имевшаяся к тому времени недостача, образовавшаяся в результате хищений, была Кишиевым как-то скрыта.

При изучении последнего перед началом ревизии отчета Кишиева оказалось, что он включил в него документы, товары по которым фактически были отправлены с базы гораздо позднее. Это и дало возможность скрыть недостачу к началу ревизии.

Расследованием было установлено, что совершение этого организованного хищения кооперативного имущества и систематическое скрытие недостачи стали возможны, вследствие того, что должностные лица Дагестанского потребсоюза грубо нарушили ведомственные инструкции об охране общественной собственности. Прежде всего, эти нарушения допускались руководством Буйнакской базы — директором Шейховым и старшим бухгалтером Джабраиловым.

Директор базы Шейхов принял на работу, связанную с материальной ответственностью, Кишиева, который в прошлом был судим за хищение государственного имущества. В нарушение существующей инструкции Центросоюза Шейхов и Джабраилов за весь период работы Кишиева ни разу не производили у него инвентаризацию товарно-материальных ценностей. На базе грубо нарушалась пропускная система: пропуска на вывоз товаров зачастую выписывались не работниками бухгалтерии, а самим Кишиевым. После вывоза товаров работники охраны пропуска передавали ему же. Тем самым создавалась возможность изъятия нужных Кишиеву документов.

К уголовной ответственности по делу были привлечены и преданы суду 18 человек. Верховным Судом Дагестанской АССР все они были осуждены к различным

срокам лишения свободы. Верховным Судом РСФСР приговор оставлен в силе.

По результатам расследования этого дела мною было сделано представление вправление Дагестанского потребсоюза. На заседание правления был приглашен актив потребительской кооперации, работники межрайонных баз, райпо и сельпо. Все должностные лица, о которых говорилось в представлении, были привлечены к строгой дисциплинарной ответственности. 10 человек были уволены с занимаемых ими должностей, 5 почижены в должности и 5 лицам были объявлены строгие выговоры. Были намечены мероприятия, направленные на устранение причин и условий, способствующих совершению хищений в системе Дагестанского потребсоюза.

Старший помощник военного прокурора
Киевского военного округа
полковник юстиции
М. Г. Голощапов

КАК БЫЛА РАЗОБЛАЧЕНА ИНСЦЕНИРОВКА КРАЖИ

Утром 14 октября 1960 г. заведующий магазином № 5 одного из отделений управления торговли Киевского военного округа Булатников сообщил по телефону в контору отделения управления торговли и в районный отдел милиции о том, что в подсобном помещении магазина взломано окно и совершена кража товаров.

Прибывшие на место два работника милиции поверхностно осмотрели место происшествия, протокола осмотра не составили и никаких мер, направленных к розыску похищенного и преступников, не приняли.

В тот же день в магазине № 5 была проведена инвентаризация, выявившая недостачу товарно-материальных ценностей на сумму более 37 тыс. руб. Заведующий магазином Булатников с выводами инвентаризации согласился. Недостача, по его словам, образовалась в результате кражи товаров ночью 14 октября.

Уголовное дело, все материалы которого состояли из акта инвентаризации, объяснения Булатникова, а также краткой «справки» о результатах осмотра места происшествия, составленной начальником районного отдела милиции, поступило в военную прокуратуру гарнизона. Следователь прокуратуры, убедившись в том, что обстановка места происшествия по существу в деле не отражена, решил в первую очередь восполнить это серьезное упущение. Хотя с момента совершения преступления прошло уже несколько дней, следователь немедленно, после принятия дела к своему производству произвел осмотр места происшествия. Были сделаны

фотоснимки магазина, подсобного помещения, взломанного окна, составлен и приобщен к делу план расположения магазина и окружающих его строений. Лица, участвовавшие в первоначальном осмотре 14 октября, были опрошены. Через несколько дней дело было передано в военную прокуратуру Киевского военного округа. Дальнейшее расследование проводил старший следователь майор Пастушенко.

Из показаний Булатникова и сторожа магазина Плетенко усматривалось следующее.

Накануне происшествия заведующий магазином Булатников закрыл магазин в 16 час. Двери магазина и подсобного помещения он запер и зашел к сторожу Плетенко, проживавшей рядом с магазином. У Плетенко находилась книга сдачи-приемки магазина, в которой Булатников расписался. Сторож Плетенко вышла охранять магазин в 18 час. Она осмотрела двери и окна магазина, нашла, что все в порядке, и продолжала нести наружную охрану. В течение ночи она время от времени заходила к себе домой обогреться. Около 7 час. утра, когда начало рассвирепеть, она вновь вошла в магазин, проверила двери и окна и, не заметив каких-либо нарушений, ушла домой.

Около 10 час. утра к ней явился Булатников и заявил, что окно подсобного помещения взломано, и он идет вызывать милицию.

Повторный осмотр места происшествия показал следующее. Нижний переплет рамы окна подсобного помещения магазина оказался сломанным, каменная кладка около рамы несколько поврежденной. Стекла в окне были выбиты, осколки находились под окном на земле. Там же лежали новые спортивные брюки с товарным ярлыком. Металлическая решетка, закрывающая окно изнутри помещения, повреждений не имела. Отверстия между прутьями решетки имели размеры 19×15 см. Решетка окна и подоконник были покрыты пылью. Следов, указывающих на то, что сквозь решетку протаскивались вещи, обнаружено не было. Паутина, висящая на прутьях решетки, также не имела больших повреждений¹. Сразу же за решеткой располагались стеллажи

¹ То обстоятельство, что осмотр места происшествия, во время которого было отмечено наличие паутины и пыли на решетке,

подсобного помещения. Все товары на них лежали в полном порядке.

Булатников во время осмотра заявил, что через окно похищены два отреза шерстяной ткани «бостон», лежавшие на стеллаже. Что еще было похищено, кроме бостона, Булатников назвать не смог, сославшись на суммарный учет товаров в магазине. По делу были выдвинуты две, столь часто встречающиеся при подобных ситуациях, версии.

Естественно, не исключалось, что кражу могли совершить посторонние для магазина лица. Разбитое стекло, как бы оброненные в спешке спортивные брюки с товарным ярлыком и некоторые другие моменты свидетельствовали о необходимости проверки этой версии.

Кроме этого, была выдвинута версия об инсценировке кражи Булатниковым. Основным, что говорило в пользу этой версии, была сомнительная возможность кражи сквозь отверстие в решетке товаров на столь большую сумму.

Для выяснения вопроса, может ли человек сквозь разбитое окно и неповрежденную решетку похитить товары из подсобного помещения, был проведен следственный эксперимент в присутствии Булатникова. Человеку среднего роста в зимней одежде было предложено просунуть руку через разбитое окно и решетку и попытаться дотянуться до ближайшей полки стеллажа, расположенного около окна. Рука в одежде с трудом прошла в отверстие решетки, касаясь ее со всех сторон. До полки стеллажа рука не доставала — кончики пальцев оказались на 50 см выше полки.

Таким образом, результаты эксперимента давали основания для вывода о том, что преступник мог похитить через окно некоторое количество товаров только с ближайшей к окну полки стеллажа. Причем им могли быть взяты только те предметы, которые лежали на стопке других товаров, высотой не менее 50 см. Достать через окно что-либо с других полок оказалось невозможным. Это явно не соответствовало показаниям Булатникова. Наличие пыли и паутины на прутьях решетки

был произведен лишь через несколько дней после преступления, во многом снижает доказательственное значение этого факта.

также ставило под сомнение правдоподобность заявления Булатникова о краже товаров через разбитое окно.

В целях проверки версии о совершении хищения Булатниковым, инсценировавшим кражу, были изучены его отчеты и материалы предыдущих инвентаризаций по магазину. Отчеты Булатникова до сих пор не вызывали замечаний у работников бухгалтерии отделения управления торговли, а счетовод Соколовская, проводившая ранее в магазине инвентаризацию, недостачи там не устанавливала.

Тов. Пастушенко установил связь с работниками отделений милиции всех районов города. Работникам милиции было поручено выяснить, не продавали ли родственники или знакомые Булатникова, а также какие-либо иные лица товары на рынке или в скupочных магазинах. Пока проводилась эта работа, т. Пастушенко допрашивал соседей Булатникова и постоянных покупателей магазина. В результате этих допросов удалось установить, что Булатников часто брал деньги из выручки магазина, а однажды, перед инвентаризацией, принес в магазин разные товары и 2500 руб. Выяснилось также, что Булатников живет не по средствам, нередко приходит на работу пьяным, где-то в городе он строит себе дом, но держит это в строгом секрете.

С целью выявления новых свидетелей следователь осмотрел книгу жалоб и предложений магазина № 5. Многие из лиц, записавших в нее жалобы и отзывы, были им допрошены. Во время этих допросов выяснились факты продажи Булатниковым товаров по завышенным ценам. Один из установленных таким путем свидетелей сообщил, что ему известны некоторые связи Булатникова. В частности, он назвал некую Аллу, с которой Булатников был как будто бы близко знаком и делал ей подарки. Алла сообщила, что Булатников подарил ей золотые наручные часы. Но их у нее отобрала жена Булатникова. На допросе Алла также подтвердила, что Булатников нередко пьянствовал, устраивал скандалы.

Среди жалоб и пожеланий в книге обращали на себя внимание три положительных отзыва, аналогичные по содержанию. Они были написаны одинаковым по цвету карандашом и сходным почерком. Удалось разыскать автора этих отзывов. Им оказался Ныров, приятель и собутыльник Булатникова, давший ценные показания об обра-

зе жизни последнего. Хвалебные отзывы в книге жалоб и предложений Ныров сделал по просьбе Булатникова во время очередной выпивки.

Вскоре следователю сообщили, что работники милиции, наблюдавшие по его заданию за скупочными магазинами, задержали гр-на Гузий, пытавшегося продать новые наручные часы, на паспорте которых не было отметки магазина о дате их продажи. Гузий тут же признался, что часы ему для продажи дал Булатников, который ждал его за углом дома.

Булатников тотчас же был задержан и допрошен. Передачу часов для продажи он категорически отрицал. По этому поводу была допрошена жена Булатникова. Она заявила, что Гузий должен был продать ее старые часы, купленные еще в начале 1958 года. Булатникова тут же была уличена во лжи, так как в паспорте к часам стояла дата их выпуска — ноябрь 1958 года.

На основании собранных доказательств Булатникову было предъявлено обвинение в хищении вверенного ему государственного имущества. Булатников продолжал упорно утверждать, что недостача образовалась в результате кражи товаров из магазина какими-то неизвестными лицами. Однако по делу никаких доказательств совершения преступления другими лицами добыто не было.

После ареста Булатникова были проведены обыски в его доме, а также в доме его матери и тещи. У сестры Булатникова — Лидии — была изъята квитанция о сдаче в ломбард отреза трико. Трико, по ее словам, попросил сдать в ломбард Булатников. Допрошенная подруга Лидии Булатниковой Дегтярева, показала, что она однажды давала Лидии свой паспорт. Оказалось, что по паспорту Дегтяревой Лидия Булатникова сдавала в скупочный магазин новые часы, также полученные от брата.

Поскольку Булатников продолжал отрицать свою вину, были проведены многочисленные очные ставки со свидетелями, давшими показания об образе жизни Булатникова, о фактах выноса им из магазина товаров и денег и т. п. В ходе этих очных ставок удалось полностью уличить Булатникова в систематическом расхищении вверенного ему имущества. В результате Булатников признал, что брал деньги и товары из магазина,

пьянистовал, дарил товары своим приятелям. Во время инвентаризации он покрывал недостачи деньгами и товарами, взятыми на время у родственников и знакомых, выдавал мешки с опилками и глиной за сахар и другие продукты и т. д. Решив, что при очередной инвентаризации ему не удастся скрыть все возрастающую недостачу, Булатников инсценировал кражу с помощью своего приятеля Хиргий.

Вечером 13 октября 1959 г. он вывез из магазина товары на сумму около 10 000 руб. Всю ночь он пропьянствовал вместе с Хиргий на квартире у Гольдиной, проживавшей неподалеку от магазина. Когда рано утром сторож Плетенко ушла к себе домой, Хиргий, по просьбе Булатникова, разбил стекло в окне подсобного помещения магазина, вытащил через решетку специально положенные возле окна спортивные брюки и бросил их под окном с целью инсценировки кражи. Хиргий и гр-ка Гольдина подтвердили показания Булатникова.

Булатников был осужден к длительному сроку лишения свободы. Хиргий, как выяснило в ходе следствия, не знал о размерах недостачи у Булатникова и никакой материальной выгоды от своих действий не получил. С учетом этих обстоятельств дело в отношении Хиргий было прекращено в связи с применением к нему мер общественного воздействия. Такие же меры были приняты в отношении сестры Булатникова, продававшей вещи по его просьбе.

По представлению следователя счетовод Соколовская, поверхностно проводившая инвентаризацию в магазине № 5, была привлечена к дисциплинарной ответственности.

На работников милиции, которые 14 октября 1960 г. на месте происшествия провели крайне поверхностный осмотр и не составили протокола осмотра, было наложено взыскание.

Прокурор Грибановского р-на
Воронежской области
младший советник юстиции
М. Ф. Морозов

ПРИЗНАНИЕ ОБВИНИЕМОГО ПОДЛЕЖИТ ТЩАТЕЛЬНОЙ ПРОВЕРКЕ

Вечером 21 июня 1960 г. около станции «Народная» Грибановского р-на автомашиной был сбит гр-н Бледных. Шофер, не останавливая автомашины, скрылся с места происшествия. Пострадавший от полученных повреждений скончался.

Были допрошены очевидцы происшествия. Никто из них не заметил номера автомашины, но некоторые данные о ней сохранились в их памяти. Судя по показаниям, это была автомашина марки «ГАЗ-51». В кузове машины находился груз, напоминающий по форме ящики. Один свидетель показал, что рядом с грузом сидел мужчина в белой шляпе. Когда был сбит Бледных, мужчина, сидевший в кузове, крикнул шоферу: «Гони, сбили человека!»

Принятыми мерами было установлено, что примерно в то время, когда имело место это происшествие, по дороге проходила автомашина марки «ГАЗ-51» № 70-20, принадлежащая маслозаводу. В кузове автомашины находились деревянные решета, по форме несколько напоминающие ящики. В кузове ехал заведующий сепараторным пунктом Ф. В. Бородин, на котором была белая шляпа. Шофер автомашины А. В. Жданкин на первом же допросе сознался в том, что вечером 21 июня он зас автоташину в нетрезвом состоянии и заехал налевую сторону дороги. При этом он действительно ударили бортом какого-то гражданина, но, когда хотел остановиться, Бородин крикнул ему: «Езжай, он упал с велосипеда!»

Решив, что признание Жданкина решает все вопросы расследования, помощник прокурора, в производстве у которого находилось дело, предъявил ему обвинение в нарушении правил безопасности движения автотранспорта, повлекшем смерть потерпевшего.

Между тем, показания Жданкина, Бородина и его жены, находившейся в момент происшествия в кабине, рядом с шофером, в некоторых деталях не совпадали с показаниями очевидцев наезда на гр-на Бледных. Несмотря на то, что в предъявленном обвинении Жданкин полностью признал себя виновным и собственоручно изложил свои показания, я отказал в санкции на его арест.

Изучив материалы дела, я обратил внимание на имеющиеся в них противоречия. Так, например, Бородин утверждал, что он не кричал Жданкину: «Гони, сбили человека!». Жена Бородина также заявила, что ничего подобного она не слышала. Бородин видел, что велосипедист, которого задел борт машины Жданкина, упал с велосипеда, но тут же поднялся. Сам Жданкин на первом допросе показал, что ударил гражданина, ехавшего на велосипеде левым бортом автомашины, а в собственоручно написанных показаниях утверждал, что ударил его правым бортом. Очевидцы происшествия видели, что водитель, сбивший Бледных, немедленно выключил освещение автомашины. А Жданкин, который полностью признал свою вину, заявил, что свет он не выключал. Кроме всего прочего, погибший гр-н Бледных в момент происшествия шел пешком, а не ехал на велосипеде.

Следовало установить причины этих противоречий.

Дальнейшее расследование дела я поручил следователю прокуратуры Тулинцеву.

Тулинцев начал расследование с проверки показаний самого Жданкина. Вместе с ним следователь на машине поехал по дороге, на которой был сбит гр-н Бледных, предложив Жданкину показать путь следования его автомашины вечером 21 июня и место происшествия.

Тогда-то обнаружилось новое и самое серьезное противоречие: Жданкин показал совершенно другой участок дороги, где он сбил велосипедиста.

Возникло предположение, что наезд на Бледных совершил не Жданкин, а кто-то другой. В связи с этим т. Тулинцев поставил перед собой задачу собрать как можно

больше новых сведений о происшествии и приметах машины, которой был сбит гр-н Бледных.

С этой целью следователь обратился к коллективам станции «Народная», крупного комбината и сельпо, поскольку некоторые из работников этих организаций были очевидцами происшествия и даже пытались принять меры к задержанию машины. Однако не все они были допрошены по делу, а фамилии многих из них установлены не были. Следователь попросил, чтобы каждый, кто знает хоть малейшую подробность о происшествии и об особенностях автомашины, сообщил ему эти сведения. Помощь оказалась решающей. Дежурный железнодорожного переезда станции «Народная» сообщил, что он видел в кузове автомашины, которой был сбит Бледных, стружку. Вскоре к следователю пришел еще один гражданин, не пожелавший назвать своей фамилии. Он сообщил номер машины, перевозившей стружку, какой организации она принадлежит, назвал ехавших в ней лиц. Фамилия шоferа этой машины — Поповкин. Гражданин предупредил, что Поповкин уволяется с работы и собирается уехать из района.

Получив указанное сообщение, следователь задержал Поповкина.

Допросом лиц, находившихся в машине Поповкина, было достоверно установлено, что именно этой машиной был сбит гр-н Бледных. Сообщенные ими подробности происшествия полностью совпадали с материалами уголовного дела. На первом же допросе Поповкин сознался в том, что он является виновником гибели гр-на Бледных.

Признанию Поповкина немало способствовало и то обстоятельство, что разоблачение было для него совершенно неожиданным. Как оказалось, Поповкин все время интересовался ходом следствия и знал о том, что Жданкин признал себя виновным¹.

Поповкин был осужден и приговор не обжаловал.

Вышеприведенный случай лишний раз подтверждает необходимость тщательной проверки признания обвиняемым своей вины, которое «может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении признания совокупностью имеющихся доказательств по делу» (ст. 77 УПК РСФСР).

¹ Факт столкновения автомашины Жданкина с велосипедистом подтвердился и впоследствии был рассмотрен особо.

² Справочная практика, вып. 51

Следователь по особо важным делам
при Прокуроре Литовской ССР
младший советник юстиции
С. С. Куклянскис

БЕСТОВАРНЫЕ ОПЕРАЦИИ МЕЖДУ КОЛХОЗОМ И ЛЬНОЗАВОДОМ

В апреле 1960 года мне поручили расследовать уголовное дело о хищении денежных средств в колхозе «Новый путь» Эйшишского р-на Литовской ССР. Основанием для возбуждения этого дела явились подтверждавшиеся при проверке сообщения о составлении в колхозе подложных ведомостей на выплату колхозникам вознаграждения за якобы выращенный ими лен и подготовленную к сдаче тресту¹.

К моменту поступления дела в мое производство к нему были приобщены в качестве вещественных доказательств платежные ведомости на сумму 190 тыс. руб.

Приступив к расследованию, я прежде всего допросил колхозников, чьи фамилии значились в числе получателей денег по указанным ведомостям. Все 232 допрошенных мною колхозника показали, что лен они не выращивали, денег по предъявленным им ведомостям не получали, а их подписи в получении денег являются поддельными.

Преступление было очевидным, но необходимо было установить, кем, каким способом и в каких целях оно совершалось, имелось ли в действительности в колхозе количество тресты, за выделку которого были выплачены деньги по поддельным ведомостям.

При ознакомлении с организацией производства тресты в колхозе, я узнал, что всю тресту колхоз сдавал

¹ Трестой называется линяная или конопляная солома, подготовленная при помощи водяной или росяной мочки для выделения волокна на мелько-трепальных машинах.

Валькининскому льнозаводу. На каждую партию сдаваемой тресты на заводе выписывалась квитанция, один из экземпляров которой хранился в документах колхоза. За принятую сырье завод перечислял колхозу деньги.

Проверка квитанций, хранившихся в бухгалтерии колхоза, показала, что на тресту, за выработку которой были выплачены деньги по поддельным ведомостям, имелись квитанции о приемке ее на завод. Деньги за эту тресту также были перечислены колхозу.

Мною были изъяты все находящиеся в бухгалтерии колхоза документы, касающиеся операций, по сдаче на завод интересующих нас партий тресты.

Помимо документов бухгалтерии колхоза я решил осмотреть и документы у бригадиров полеводческих бригад. Во-первых, я предполагал найти там первичные документы и разного рода записи о количестве выращенного каждой бригадой льна и выработанной из него тресты. Во-вторых, проверка документов в бригадах была необходима еще и потому, что треста отправлялась на завод непосредственно из бригад, минуя общеколхозные склады. Здесь, в бригадах, составлялись сопроводительные накладные на отправляемую на завод тресту. Копии этих накладных, которые должны были храниться в бригаде, я и хотел осмотреть. Все бригадиры колхоза охотно предоставили мне имеющиеся у них записи о посевах льна, собранном в бригадах урожае, а также и накладные на отправку тресты на завод. На допросах они дали подробные объяснения по поводу предъявленных ими документов.

Теперь я мог сличить записи бригадиров о собранном урожае льна и количестве выработанной тресты, а также накладные на отправку тресты из бригад с квитанциями завода о ее приемке, изъятыми в правлении колхоза.

К большинству квитанций завода быстро удалось подобрать накладные бригадиров на отправку тресты. Однако часть квитанций осталась «в излишке», соответствующих им накладных среди документов бригадиров не оказалось.

Получалось, что завод «принял» от колхоза тресту, то время как она на завод и не отправлялась.

Отобрав такие квитанции, я сличил их с подложными ведомостями на выдачу вознаграждения колхозникам.

Вот тут все совпало: количество якобы принятой заводом тресты, указанное в квитанциях, соответствовало количеству тресты, значившемуся «выработанной» в подложных платежных ведомостях.

Подсчеты показали, что колхоз в 1958 году получил от завода квитанций в приеме тресты на 40,5 т больше, чем было ее отправлено на завод бригадами. За 1959 год эта разница составила 36 т. Таким образом, за 2 года колхоз «сдал» заводу 76,5 т тресты, которой фактически у него и не было. Бестоварные документы... Так вот за счет чего совершились хищения! Сразу возникло предположение, что преступление совершено не только в колхозе. Колхоз, по-видимому, являлся лишь местом, где можно было изымать деньги! Возможность же изъятия этих денег, как видно, подготавливалась там, на Валькининском заводе, где выписывались бестоварные квитанции о «приемке» тресты и откуда перечислялись за нее деньги в колхоз.

Задачей расследования являлось теперь установление всех конкретных участников преступления в колхозе и на заводе.

В колхозе по поводу выявленных бестоварных операций надлежало допросить председателя Мишкиниса, главного бухгалтера Лукотенко и кассира Пансевича.

Допрошенный Мишкинис показал, что в целях улучшения показателей колхоза по урожайности льна он и некоторые бригадиры купили тресту у неизвестных лиц и сдали ее заводу. А чтобы оплатить стоимость купленной тресты, он совместно с главным бухгалтером Лукотенко и кассиром Пансевичем составили подложные ведомости на уплату денег колхозникам и подделали подписи последних. Таким образом, он, отрицая хищение, признал, что допустил служебное злоупотребление.

Лукотенко и Пансевич на допросах показали, что, составляя подложные ведомости на выплату денег, они выполняли указания председателя колхоза, причем делали это лишь после того, как Мишкинис передавал им квитанции завода в приеме соответствующего количества тресты.

Объяснение Мишкиниса требовало проверки. От ее результатов зависела квалификация действий должностных лиц колхоза. В случае подтверждения этих показаний участие в преступлении работников завода, по-

видимому, исключалось бы. Кроме того, возникла бы необходимость установления происхождения купленной тресты, так как большое ее количество наводило на мысль, что она могла быть где-либо похищена.

Прежде всего пришлось вновь допросить тех бригадиры, на которых сослался Мишкинис. Эти свидетели показали, что действительно в 1957 году был случай покупки тресты для сдачи льнозаводу в количестве 1,5—2 т (2 автомашины). В 1958—1959 гг. они тресту на стороне не покупали. Однако эти показания еще не опровергали объяснений Мишкиниса. Ведь он утверждал, что и сам закупил большое количество тресты. Бригадиры могли об этом и не знать.

Одновременно с этим, продолжая проверку версии о выписке бестоварных квитанций на заводе, я решил ознакомиться с транспортными документами. В них я надеялся найти ответ на вопрос: перевозилась ли в действительности на завод треста, «принятая» по сомнительным квитанциям. Я осмотрел путевые листы автомашин колхоза, на которых якобы возили закупленную Мишкинисом тресту на завод. При этом выяснилось, что автомашины в дни, указанные в приходных накладных и квитанциях завода, возили картофель в Вильнюс.

В результате указанных проверок в распоряжении следствия оказались вполне достоверные доказательства того, что колхоз «Новый путь» тресты, купленной у неизвестных лиц, заводу не сдавал и что выданные последним колхозу квитанции в приемке тресты являются бестоварными. Версия о хищении денег работниками завода и колхоза в сговоре между собой подтверждалась.

Теперь необходимо было установить, кто персонально выдавал бестоварные квитанции на заводе.

Осмотр квитанций о приеме тресты, бестоварность которых была уже установлена, а также всех соответствующих им приходных документов завода позволил установить лиц, причастных к их выписке. Допросы работников завода, выяснение их связей с членами колхоза «Новый путь» и другая работа, проделанная в ходе расследования, дали возможность конкретизировать роль каждого из них в хищении. Было установлено, что в 1958 году старший сортировщик Ожеровский, младший сортировщик Силевич и весовщик Янкунас выписали

16 бестоварных приходных накладных и квитанций на 36 т 890 кг льнотресты, стоимостью 106,6 тыс. руб., а старший сортировщик Малишаускас совместно с Силевичем — еще 5 бестоварных приходных документов на принятие 19 т 116 кг тресты, стоимостью 70 400 руб. В эти данные включены только документы, подложность которых не вызывала сомнений.

В ходе дальнейшего расследования была проверена версия о совершении аналогичных бестоварных операций работниками завода вговоре с членами других колхозов, также сдававших тресту на Валькининский завод. В выявлении новых бестоварных операций большую помощь нам оказала ревизия, назначенная на заводе. В результате были обнаружены бестоварные приходные накладные и соответствующие им квитанции в «приеме» от колхоза «Раудоной велява» тресты на 15 тыс. руб. Наличные деньги были изъяты в колхозе по поддельным платежным ведомостям.

Оставалось установить, каким путем покрывалась недостача, которая должна была бы образоваться на заводе в результате составления бестоварных документов. Для решения этого вопроса большую роль сыграли ревизия и бухгалтерская экспертиза.

Как установили ревизоры (а впоследствии подтвердил бухгалтер-эксперт), учет и отчетность на заводе находились в крайне запутанном состоянии. Активную роль в этом сыграла бухгалтер Залатарене. Ей потвердствовал директор завода Данкунас. С 1958 года инвентаризации тресты на заводе не производилось, не снимались натурные остатки и при смене материально-ответственных лиц. Учет тресты велся с грубейшими нарушениями. Установление одного из них имело большое значение для разрешения задачи, стоящей перед расследованием, а именно для выяснения резерва, за счет которого совершались хищения. Оказалось, что на складе треста приходовались по учетному (кондиционному) весу, т. е. весу за вычетом излишней влаги волокон и различных примесей, а в производство она сдавалась по несколько большему фактическому весу. В результате на складах «соседали» излишки тресты.

Кроме того, было установлено, что естественная убыль списывалась на складах завода в размере максимально допустимых норм, тогда как фактически такой

убыли не было. В одном только 1959 году таким путем было неосновательно списано 67 т тресты. Это также увеличивало резервы для совершаемых хищений.

Следует отметить, что при производстве ревизии и бухгалтерской экспертизы существенную роль в изобличении преступников сыграли обнаруженные при обысках у обвиняемых сортировщика Малишаускаса и бухгалтера Залатарене подлинные паспорта скирд хранящейся на складе тресты. Как выяснилось, эти документы с целью сокрытия хищения были изъяты преступниками и заменены другими еще в самом начале расследования. Данные подлинные паспорты позволили ревизорам выявить злоупотребления при оприходовании тресты на завод.

Были установлены также исполнители подписей на бестоварных накладных, которыми оприходовалась треста, фактически не поступавшая на завод.

Изобличенные документами и показаниями свидетелей, а также заключением экспертов-бухгалтеров и криминалиста, обвиняемые Мишкинас, Ожеровский, Сильевич, Янкунас, Лукотенко и Пансевич полностью признали свою вину в хищениях и подтвердили данные, полученные следствием. Они показали также, что в преступную группу, кроме них, входили директор завода Данкунас, главный бухгалтер Залатарене, главный инженер Андреев и заведующий Эйшишским приемным пунктом Латышев. В последствии Данкунас и Залатарене также признали свое участие в хищениях.

Всего к уголовной ответственности привлечено 11 человек. По материалам дела прокурором республики было внесено представление в совнархоз Литовской ССР об устранении условий, способствовавших хищению.

Причиненный преступниками материальный ущерб был возмещен за счет имущества осужденных.

*Следователь прокуратуры Павловского р-на
Воронежской области
юрист 3-го класса
Л. М. Концева*

КАК БЫЛИ ВЫЯВЛЕНЫ СВИДЕТЕЛИ ПО ДЕЛУ О ПРЕСТУПНОМ АБОРТЕ

27 августа 1959 г. в прокуратуру Павловского р-на из районной больницы поступил протокол вскрытия трупа гр-ки Салиевой Т. Н., смерть которой наступила от сепсиса после аборта. При вскрытии трупа было обнаружено неполное прободение стенки матки. Вскрытие производил судебно-медицинский эксперт в присутствии лечащего врача. Изучением истории болезни Салиевой и допросом лечащего врача было установлено следующее.

Салиева была доставлена в больницу 25 августа в 10 час. утра в очень тяжелом состоянии и в этот же день, около 19 час., скончалась. Больная утверждала, что аборт произвела себе сама путем «введения палочки в матку». Однако повреждения, отмеченные при вскрытии трупа (глубокое внедрение какого-то предмета в полость матки, повлекшее за собой прободение ее стенок), свидетельствовали о том, что аборт произведен не самой Салиевой, а другим лицом. Было возбуждено уголовное дело.

Поскольку работники больницы своевременно не сообщили в прокуратуру о поступлении к ним больной с признаками криминального аборта, а сама потерпевшая не была допрошена, выявление свидетелей по делу представляло известную сложность.

Наиболее ценным свидетелем, по моему мнению, мог оказаться муж Салиевой. Однако его допрос не внес ясности. Салиев показал, что жена говорила ему о своем намерении сделать аборт, но собиралась это сделать в

больничных условиях. Что произошло с женой, он, по его словам, не знал, так как работал трактористом и дома находился мало.

Вот и все данные, какими я располагала, начиная расследование. Работники милиции, которым я поручила установить, нет ли в селе Елизаветовке, где проживала семья Салиевых, подпольного абортария, ничего существенного мне не сообщили.

Тогда я решила сама поехать в село Елизаветовку и с помощью местных жителей попытаться найти человека, сделавшего аборт Салиевой.

Беседуя с председателем и секретарем сельсовета, я выяснила, что в селе Елизаветовке проживает некая Сотникова, которая лечит вывихи и другие недуги. Делает ли она аборты, работники сельсовета не знали. Я пошла на медицинский пункт, чтобы побеседовать с работниками села. Во время беседы аккушерка высказала предположение, что аборт Салиевой сделала Сотникова.

Чтобы проверить полученные сведения, я решила поговорить с гражданами, проживавшим по соседству с Сотниковой. Не исключалось, что кто-нибудь из соседей Сотниковой мог видеть, как в ее дом заходила или выходила оттуда Салиева. И действительно, в беседе с некоторыми из граждан удалось установить, что Салиеву, которая обычно на улице, где проживала Сотникова, не появлялась, видели, когда она шла к дому Сотниковой за два дня до ее смерти. Эти сведения были подтверждены свидетельскими показаниями. Я решила вновь допросить мужа Салиевой. Но на этот раз я прямо спросила его: не Сотникова ли сделала аборт жене? После некоторого колебания он ответил утвердительно. Оказалось, что в больнице перед смертью, жена сказала ему и своей матери о том, что аборт ей сделала Сотникова, но просила об этом никому не рассказывать. По словам Салиева, аборт был произведен путем введения в полость матки вишневой палочки. Подтвердила это обстоятельство и мать потерпевшей.

Прежде чем приступить к допросу Сотниковой, я попыталась собрать данные, свидетельствующие о том, что Сотникова делала аборты не одной Салиевой. Я сделала выписки из регистрационного журнала районной больницы о всех случаях поступления туда женщин с

начавшимися абортами. Удалось установить, что женщины с начавшимися абортами поступали не только из села Елизаветовки, где проживала Сотникова, но и из расположенных поблизости сел Гаврильск и Малая Казинка. Несколько человек из перечисленных в этом списке были мною допрошены, но все они утверждали, что аборт делали себе сами.

Я снова поехала в село Елизаветовку и, побывав на фермах колхоза, побеседовала с работавшими там женщинами. Но и на этот раз я не получила интересующих меня сведений. Казалось, что избранный мною метод выявления свидетелей не даст результатов. Однако через некоторое время в сельсовет, где я находилась, пришла одна из работниц фермы и выразила желание поговорить со мной. На допросе она рассказала о том, что Сотникова действительно делает аборты. Лично ей Сотникова делала аборт дважды. Аборт производился таким же способом, как и Салиевой.

Несколько позже ко мне пришла еще одна женщина и рассказала, что Сотникова несколько лет тому назад сделала аборт родственнице гр-ки Нестеренко, проживавшей в селе Елизаветовке. После абORTA эта родственница 4 дня лежала в доме у Нестеренко, а Сотникова ее навещала и оказывала ей помощь. Я немедленно вызвала на допрос Нестеренко. Она подтвердила, что в 1956 году Сотникова действительно произвела аборт ее племяннице Емельяненко. Допрошенная мной Емельяненко также не стала отрицать этот факт и рассказала, что в 1957 году Сотникова сделала ей еще один аборт. Мне удалось также установить, что Сотникова в 1958 году сделала аборт Скороходовой, от чего последняя скончалась. Лица, сообщившие об этом, были мною допрошены в качестве свидетелей.

Располагая такими сведениями, я произвела обыск в квартире Сотниковой и допросила ее. После долгого запирательства, ознакомившись с собранными мною доказательствами, Сотникова созналась в производстве абортов Салиевой и некоторым другим женщинам. При этом она назвала фамилии других женщин, о производстве абортов которым мне еще не было известно.

За совершенные ею преступления Сотникова осуждена к шести годам лишения свободы.

Следователь прокуратуры Гулистанского р-на
Ташкентской области
юрист 1-го класса

Х. А. Даевлятов

ЗНАЧЕНИЕ ПРАВИЛЬНО ПРОВЕДЕННОГО ДОПРОСА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Из милиции в прокуратуру района поступило сообщение о том, что по подозрению в краже задержаны два мальчика — 12-летний Нурумхамед Иминов и 13-летний Витя Кругов. Допросить задержанных прокурор поручил мне.

Первый допрос я провел в форме беседы с каждым из задержанных отдельно. Допросы проходили в присутствии двух педагогов, приглашенных мною из той школы, где эти мальчики учились. Чтобы допрос прошел непринужденно и не настораживал детей, я не вел никаких записей и расспрашивал их вначале, как они живут дома, каковы их взаимоотношения с родителями, кто их друзья, как они проводят время и т. п. Первым я допросил младшего из ребят, Иминова. Мальчик рассказал, что учится в третьем классе, но часто пропускает занятия. Дружит он с Виктором Круговым, который в школу не ходит совсем.

По-видимому, неофициальная форма беседы и присутствие учителей расположили мальчика к откровенности. Он рассказал, что у них есть еще один знакомый — Владимир Храмков. У него он видел однажды большую связку ключей. Храмков говорил, что ими можно открыть чуть ли ни каждую дверь.

На днях, продолжал Иминов, Храмков предложил ему и Кругову проникнуть с помощью этих ключей в несколько квартир и украсть оттуда деньги. Так они и сделали. Денег, правда, не нашли, а украли разные вещи. Он рассказал также, что слышал от Кругова о том, как

он вместе с Храмковым и еще одним из знакомых—Бозиным украл две скатерти из кабинета первого секретаря Мирзачульского райкома комсомола.

К концу беседы с Иминовым я записал в протокол ту часть его показаний, которая касалась краж, совершенных им и его приятелями. Затем в такой же обстановке был допрошен и Витя Кругов. Он подтвердил те факты, о которых рассказал Иминов. Для уточнения показаний Иминова и Кругова я вместе с ними выехал к месту совершения последней кражи. Там они поочередно в присутствии понятых показали место, где Храмков дал им попробовать вина, квартиры, в которые они заходили, подробно рассказали, как Храмков открывал имеющиеся у него ключами двери, как они искали в этих квартирах деньги, куда спрятали часть похищенных вещей, какие вещи продали на рынке.

В тот же день работники милиции задержали 19-летнего Владимира Храмкова. Он довольно быстро признал свое участие в тех двух кражах, о которых рассказали Иминов и Кругов. Но, судя по тому, как он настороженно интересовался в начале допроса, о каких именно фактах рассказали эти ребята, чувствовалось, что за Храмковым, видимо, были и еще кое-какие дела.

Выявление всех краж, совершенных воровской группой, стало основной задачей расследования.

Я вновь пригласил на допрос Витя Кругова. Вначале я задал ему несколько вопросов как бы для уточнения его прежних показаний. А затем в том же тоне спросил, о каких других кражах, совершенных Храмковым, ему известно. И Кругов в присутствии тех же учителей рассказал, что слышал от Храмкова, как он вместе с Бозиным и Зазулей угнали два велосипеда, а еще через некоторое время, выставив стекло в окне заготконторы, украли из конторы телефонный аппарат.

Таким образом, выявились еще два участника воровской группы—Бозин и Зазуля. Первым удалось задержать 19-летнего Бозина, а немного позже—17-летнего Зазулю. Допрашивая Бозина, я не только стремился выяснить его роль в уже установленных кражах. Меня интересовало также, кто еще входил в преступную группу и какие кражи, совершенные этой группой, не известны следствию. Бозин показал, что он действительно принимал участие в краже скатерей в райкоме комсомола

и телефонного аппарата в заготконторе. В ходе его допроса выяснилось, что этой же группой была похищена радиостанция «У-1» в управлении «Кировканала». В ответ на вопросы о том, куда же участники воровской группы прятали похищенные вещи, где встречались и договаривались о новых кражах, Бозин рассказал о существовании «штаб-квартиры» группы. Она располагалась на чердаке одного из зданий, там ребята встречались в установленное время, прятали украденные вещи, намечали планы дальнейшей «работы». Иногда здесь же они и ночевали.

В одну из таких встреч Бозин видел у Зазули и Храмкова несколько женских головных платков, брюки и зонты. Зазуля и Храмков тогда же рассказали Бозину, что они обокрали магазин Мирзачульского сельпо.

Следующим был допрос 17-летнего Геннадия Зазули. Он подтвердил, что участвовал в краже двух велосипедов и в краже товаров из магазина сельпо.

Таким образом, сведения, полученные при допросах одних участников воровской группы, подтверждались и пополнялись при допросах других ее членов. Непременным участником всех совершенных краж и их организатором являлся Храмков.

Предстоял новый допрос Храмкова. К нему следовало тщательно подготовиться.

На чердаке здания, где собирались члены воровской группы, был произведен обыск. Там удалось обнаружить два дамских головных платка, крепдешиновую косынку, пачки папирос «Казбек», пустые бутылки из-под вина и водки и один ношеный ботинок. Как было установлено позднее, все это, за исключением ботинка, было похищено из магазина сельпо. Вино ребята выпили,бросив здесь же пустые бутылки. Ношеный ботинок принадлежал Зазуле.

Был произведен также обыск в квартире Храмкова, и мы нашли там несколько ключей.

Я ознакомился с имевшимися в районном отделении милиции нераскрытыми уголовными делами, которые были возбуждены по фактам краж. При этом имелось в виду, что такое изучение может послужить источником выявления новых «дел» группы.

Пользуясь данными, полученными при допросах, обысках и в результате ознакомления с нераскрытыми

уголовными делами, я изобличил Храмкова в совершении 21 кражи. Все эти факты он признал.

На этой стадии расследования в уголовном деле в основном имелись лишь показания участников преступлений и небольшое количество вещественных доказательств. Попытка разыскать свидетелей оказалась мало удачной: были обнаружены свидетели лишь по двум кражам. Между показаниями воров обнаруживались некоторые расхождения. С целью их устранения были проведены очные ставки между обвиняемыми. Те из них, в которых участвовали несовершеннолетние, проходили в присутствии педагогов. Последовательность очных ставок была принята следующая. Поскольку Иминов изобличал Кругова, первая очная ставка была проведена между ними. Кругов указывал на Храмкова как на участника многих краж и организатора группы. Поэтому вторая очная ставка состоялась между Круговым и Храмковым. На следующие очные ставки были вызваны Бозин и Храмков, а потом Зазуля и Храмков. В результате получилось, что все члены группы изобличали Храмкова как участника и организатора краж, а Храмков в свою очередь — каждого из остальных обвиняемых.

Кроме того, я выезжал с обвиняемыми на места совершения ими преступлений, где в присутствии понятых каждый из них очень подробно рассказывал и показывал, как осуществлялись кражи. Полученные данные полностью соответствовали сведениям, содержащимся в протоколах осмотров места происшествия по нераскрытым уголовным делам, изъятым из милиции.

После рассмотрения дела в суде прокуратурой было подготовлено представление, которое явилось предметом обсуждения не только в райкоме, но и на родительских собраниях школ. Особое внимание при этом обращалось на отсутствие надзора за поведением детей со стороны родителей и педагогического персонала школ.

Старший следователь прокуратуры
Кокчетавской области
младший советник юстиции
А. В. Шевченко

РАССЛЕДОВАНИЕ ХИЩЕНИЙ ПРИ ЗАГОТОВКАХ ЗЕРНА¹

В прокуратуру Кокчетавской области из УВД поступило уголовное дело по обвинению заготовителя Чкаловского сельпо Бучинского в составлении подложных закупочных квитанций и присвоении 8000 руб. подотчетных денег.

Приняв дело к своему производству, я стал изучать отчеты Бучинского за последний год.

При этом выяснилось, что за год он закупил около 300 т зерна, которое сдал на Ильчевский заготовительный пункт. Неправдоподобно большое количество якобы сданного Бучинским на пункт зерна в сочетании с имеющимися уже в деле доказательствами о подложности некоторых закупочных квитанций давало основание предполагать фиктивность операции по сдаче зерна на пункт, а также говорить Бучинского с работниками заготовительного пункта. Следственная практика показывает, что такого рода преступные группы создаются с целью хищения наличных денег, выдаваемых заготовителю на проведение закупок. Хищение маскируется составлением целого ряда поддельных документов, в первую очередь квитанций о «сдаче» продуктов от заготовителя на приемный пункт.

¹ За успешное расследование этого преступления т. Шевченко, а также поддерживавший обвинение в суде заместитель прокурора области т. Елемисов были поощрены приказом прокурора республики.

Была отмечена также успешная работа по данному делу сотрудников УВД.

Я выехал в Чкаловский р-н к месту работы и жительства Бучинского.

По моему требованию ревизоры, проверявшие работу Чкаловского сельпо, представили мне список лиц, якобы продававших хлеб государству. Таких граждан насчитывалось свыше 200 человек. Надо было всех их допросить. Это позволило бы выявить несуществовавшие закупочные операции, поддельные закупочные квитанции. Для проведения этой громоздкой работы, а также и участия в последующем расследовании мне в помощь были выделены работники УВД: тт. Ибрагимов, Рамазанов, Хасенов и некоторые другие.

При допросах лиц, значившихся в квитанциях продавцами зерна, выяснилось, что фактически его продавали только 5 человек. Остальные отрицали и сам факт продажи, и подлинность подписей от своего имени в квитанциях в получении денег. Правдивость этих показаний была очевидна, потому что большинство лиц, пришедших по вызову на допрос, оказались рабочими районного центра и совхоза и зерно для продажи государству иметь не могли.

Прежде чем продолжать проверку деятельности Бучинского, следовало ознакомиться с порядком движения закупаемого им зерна и его оформлением.

Все закупаемое Бучинским зерно сдавалось на Ильчевский хлебоприемный пункт. На пункте производится анализ зерна, а затем оно взвешивается. На обороте сопроводительной накладной делается отметка о приемке зерна с указанием его веса, влажности, сортности, а также номера автомашины, на которой оно доставлено. Первый экземпляр накладной остается на пункте, а второй сдается заготовителем с отчетом в сельпо. Завершается оформление операции по сдаче зерна на пункт выпиской квитанции. Она является основным документом для отчета заготовителя перед сельпо.

При ознакомлении с отчетами Бучинского в сельпо оказалось, что во многих из них отсутствуют вторые экземпляры упоминавшихся выше накладных. В то же время, как показал осмотр документов на хлебоприемном пункте, там имелись первые экземпляры накладных. Они были изъяты.

Непосредственной задачей расследования на данном этапе была проверка подлинности этих накладных и

всех остальных документов, относящихся к тем же операциям по сдаче зерна Бучинским на Ильчевский пункт. Привозил ли Бучинский фактически это зерно или нет?

На обороте накладных были указаны номера 45 различных автомашин, якобы доставлявших груз. Интересно отметить, что пять номеров автомашин неоднократно повторялись в накладных, а остальные встречались лишь по одному разу.

Осмотры путевых листов и допросы шоферов показали, что все 40 машин, номера которых встречались в документах только по одному разу, зерно на пункт не доставляли. Да они и не могли бы этого сделать, так как не были оборудованы для перевозки такого рода продуктов. В большинстве случаев это оказались бензовозы, молоковозы, легковые автомашины и т. п.

Получение такого рода доказательств давало мне основания для вывода о фиктивности, бесстоварности операций по сдаче зерна Бучинским на пункт, о подложности составленных для оформления этих операций документов.

Предстоял допрос Бучинского. На первом допросе я интересовался его работой, личным хозяйством, связями, порядком закупки зерна, некоторыми конкретными закупочными операциями и т. д. Все его показания были тщательно зафиксированы в протоколе. Противоречий в них было много, но вопросов я ему задавать не стал.

Я решил провести очные ставки между ним и несколькими гражданами, на имя которых Бучинский составил подложные закупочные квитанции, а также с шоферами, номера машин которых были указаны в изъятых нами накладных. Первые две очные ставки Бучинский еще крепился, противоречия объяснял ошибкой и старался держаться спокойно. Но потом он не выдержал и стал меня просить прекратить эти очные ставки, так как я проводил их с лицами, которые были хорошо знакомы с Бучинским.

На проведенном вслед за этим допросе Бучинский рассказал следующее.

На протяжении последнего года он поговору с работниками Ильчевского хлебоприемного пункта — заведующими складами Олиной и Щербуком, заведующей лабораторией Голубевой, лаборанткой Синцовой и ветсовщиком Кошепа совершал хищения денег. Зерно у

граждан он почти не закупал. Но на пункте соучастники ему выписывали бестоварные квитанции на приемку от него больших количеств зерна. Бучинский составлял на вымышленные фамилии закупочные квитанции и отчитывался всеми этими документами перед сельпо. Председатель сельпо, заинтересованный в перевыполнении плана заготовок, беспрепятственно утверждал его отчеты и выдавал под отчет все новые крупные суммы денег. Это являлось одним из важных условий, способствовавших совершению хищений.

Далее Бучинский рассказал, что 150 т зерна он купил у шоферов Новикова, Поветина, Булавина и Синчурина, перевозивших на пункт зерно из глубинных совхозов. Работники пункта в сопроводительных накладных шоферов делали отметки о приеме зерна. И это же самое зерно вторично «принималось» от Бучинского. Он и на это зерно выписал закупочные квитанции. Деньги, якобы выплаченные гражданам, после расчетов с шоферами присваивались им совместно с работниками пункта.

На Ильчевском хлебоприемном пункте была назначена ревизия. Одновременно с этим я произвел осмотр документов на сдачу зерна названными Бучинским шоферами. Данные осмотра подтвердили его показания: в дни проведения этих «операций» одни и те же номера машин значились на накладных шоферов и на накладных о сдаче зерна Бучинским.

Необходимо было допросить названных Бучинским шоферов. Но к этим допросам надо было хорошо подготовиться, с тем чтобы получить правдивые и достаточно подробные показания. Я поставил перед собой задачу — подробно выяснить черты характера каждого из них, отношение к труду и показатели выполнения заданий. Важно было знать и материальное положение их семей.

Первым я решил допросить Поветина. Долгое время он отрицал совершение каких бы то ни было незаконных сделок. Чувствовалось, что шоферы успели сговориться между собой и решили не признаваться ни в чем.

Я рассказал Поветину о некоторых сведениях, которыми располагает следствие, упомянул о том, что он отличный шофер, портрет которого висит на Доске почета, о необходимости признания неправильных поступков.

После часовой беседы Поветин заявил: «Да, я действительно поддался влиянию Булавина и очень раскаиваюсь в этом. Все, что вы сказали, правда». Затем Поветин собственноручно записал свои показания, в которых он назвал количество похищенных ими машин зерна.

Допрашивать второго шофера, Синчурина, было уже несколько легче. Наличие правдивых показаний соучастника действовало на каждого из вызываемых шоферов весьма убедительно.

А количество таких показаний все возрастало. Последним признался Булавин. Он рассказал, в частности, что принял участие в хищении 13 машин зерна. За это получил от Бучинского 6600 руб., из них 2200 руб. передал работникам складов за учение отметок в накладных о «приеме» зерна.

Из показаний шоферов выяснилось, что в 10 операциях по продаже совхозного зерна Бучинскому принимали участие заведующий зерновым складом совхоза Завьялов и заведующий током Давидовский. В этих случаях после продажи зерна Бучинскому шоферы возвращали сопроводительные накладные Давидовскому и Завьялову и те делали в них отметки о том, что зерно возвращено на ток или на склад ввиду большой его засоренности. Плохая постановка учета зерна в совхозе позволяла беспрепятственно совершать эти преступные операции.

К концу расследования по делу Завьялов и Давидовский подтвердили эти факты.

Параллельно с этой работой на приемном пункте проходила ревизия. Проверка была подвергнута и деятельность лаборатории. В результате осмотра документов ревизорами с моим участием было установлено, что на пункте при приемке зерна систематически завышалась его влажность и сорность. Об этом наглядно свидетельствовали результаты сравнения качественных показателей одних и тех же партий зерна по разным документам: анализ-ордерам, лабораторному журналу, копиям накладных, приемным квитанциям, а также складским документам. В акте ревизии, а затем и в заключении судебно-бухгалтерской экспертизы делался вывод о возможности создания таким путем резерва для хищений, для приписок фактически непоступившего на пункт зерна.

При проведении ревизии была обнаружена и еще одна серия приписок в квитанциях о сдаче зерна. Эти приписки были сделаны в документах другого заготовителя — Лашевича. В преступлении, как было установлено в ходе расследования, принимали участие те же работники приемного пункта, которые состояли в гово-ре и с Бучинским. Принимая от Лашевича небольшие партии закупленного у населения зерна, работники пункта завышали его количество на 1—2 т. В сопроводительных накладных Лашевич предусматривало не указывать веса фактически направляемого на пункт зерна. Его соучастники сами указывали в них те же завышенные данные, что и в квитанциях о приемке зерна. Поэтому дело обходилось без исправлений и подчисток в накладных.

На приписанное зерно Лашевич составлял подложные закупочные квитанции. Деньги, якобы выплаченные по ним лицам, продавшим зерно, присваивались.

При расследовании данного уголовного дела был вскрыт и еще один интересный эпизод. Первые сведения о новых фактах хищения были получены еще на одном из первых допросов Бучинского. Он рассказал, что с его участием были оформлены бестоварные документы о сдаче на Ясполянский пункт 620 ц зерна. Инициаторами этой операции были директор Чкаловской заготконторы Ким, главный бухгалтер Ясполянского хлебоприемного пункта Демеубаев, заведующий складом того же пункта Лейнер, председатель Чкаловского сельпо Белецкий. Белецкий и Ким вызвали однажды к себе в кабинет Бучинского и предложили ему выписать три закупочные квитанции на прием зерна от гр-на Весельского (280 ц), Лоренц (220 ц) и Завадского (120 ц) и выплату им 52 762 руб. Белецкий тут же заверил эти квитанции печатью сельпо. Бучинский выписал сопроводительные накладные на «доставку закупленного» зерна на Ясполянский пункт. Накладные взяли Демеубаев и Лейнер. Через несколько дней были выписаны квитанции о «приемке» на пункт всего этого зерна. Лейнер, исполнявший обязанности директора пункта, подписал эти квитанции и дал указание о перечислении соответствующих сумм Чкаловскому сельпо. Так, в одном кабинете была начата, а в другом — закончена операция по закупке, перевозке и сдаче на государственный

пункт 620 ц зерна. 52 762 руб., якобы израсходованные на закупку этого зерна, были поделены между всеми упомянутыми лицами.

Помимо тщательного допроса Бучинского, для расследования этого эпизода большую роль сыграли немедленный осмотр и последующий анализ бухгалтерских документов на Ясполянском пункте. Эта операция была раскрыта в течение одних суток.

Сразу же после получения этих показаний от Бучинского я вместе с одним из работников УВД выехал на Ясполянский пункт. Работу на пункте мы начали с осмотра приемного журнала. Обращали на себя внимание исправления в цифрах против фамилии гр-на Голдука, сдавшего на пункт 627 кг зерна. Решено было проверить все документы, относящиеся к этой операции, в частности анализ-ордер и приемную квитацию. По моему требованию работник бухгалтерии принес мне папки с анализ-ордерами и приемными квитациями. В месте, где должны были находиться анализ-ордер и квитанция о сдаче зерна гр-ном Голдуком, имелись лишь следы вырванных документов. Зато в папке имелся анализ-ордер на партию в 62 700 кг. Ссылки на этот анализ-ордер были сделаны в копиях поддельных квитанций на имя Весельского, Лоренц и Завадского. Стало ясно, что в целях маскировки выписки бестоварных документов работники пункта использовали анализ-ордер, относящийся совсем к другой операции.

Я немедленно приступил к допросам участников этой преступной операции. Начать эти допросы решено было с Кима. Он считался одним из лучших работников, пользовался большим авторитетом и не исключалось, что принял участие в преступлении под нажимом других лиц. Вызвав его на допрос, я сказал, что мне известно о бестоварной операции с зерном, в результате которой было похищено 52 762 руб. Я зачитал показания Бучинского об этой операции. После некоторого замешательства Ким вдруг неожиданно расплакался и рассказал подробно, как было совершено хищение.

Собственноручно написанные показания Кима сыграли решающее значение для изобличения остальных участников хищения. Лейнер и Демеубаев также признались в совершении преступления. Для выяснения некоторых противоречий в показаниях Кима, Лейнера и

Демеубаева по поводу полученной каждым из них доли похищенного между ними были проведены очные ставки.

Еще через день на пункте была назначена ревизия. В акте ревизии было подтверждено незаконное оформление операции по приемке 620 ц зерна. В нем отмечалось также, что при передаче склада Лейнеру была списана естественная убыль в пределах полной нормы, в размерах, намного превышающих ее фактический объем. Такое завышенное списание, по-видимому, и создало возможность выписать бестоварные квитанции на приемку зерна.

Всего по данному делу было привлечено к уголовной ответственности 25 человек, причинивших ущерб в размере 200 000 руб. Расследование было закончено в двухмесячный срок.

Выездная сессия Кокчетавского областного суда приговорила всех обвиняемых к различным срокам наказания. Верховный Суд Казахской ССР приговор оставил в силе.

Начальник отделения дознания
Октябрьского РОМ
г. Ростова-на-Дону
капитан милиции

А. С. Григорян

Эксперт НТО УВД Ростовского облисполкома
капитан милиции

И. С. Усков

СЛЕДЫ ЗУБОВ НА МЕТАЛЛЕ

В настоящей статье приводятся редко встречающиеся в практике случаи обнаружения следов, оставленных зубами преступника на металле.

Ночью неизвестные лица проникли в служебный кабинет директора Аксайского консервного завода и похитили радиоприемник, шторы, настольные часы и халат, а со стендса образцов продукции завода — две стеклянные банки фруктовых консервов.

При осмотре заводского двора работники милиции обнаружили в люке украденный из кабинета халат и две жестяные крышки от консервных банок. На внешней стороне крышек виднелись свежие следы скольжения, по-видимому, образованные предметом, с помощью которого открывались банки. При внимательном осмотре этих следов возникло предположение, что они оставлены зубами.

Через несколько дней была совершена кража из магазина № 12 Аксайского «Рыбкоопа». При осмотре места происшествия среди прочих предметов была обнаружена и изъята стеклянная консервная банка, на жестяной крышке которой также имелся след скольжения, напоминавший следы на первых двух крышках.

Вскоре по подозрению в краже товаров из магазина № 12 был задержан Н. И. Пархоменко.

Были получены экспериментальные образцы следов зубов Пархоменко на жестяной крышке от консервной банки.

По делу была назначена трасологическая экспертиза, ей надлежало установить, не оставлены ли следы на

жестяных крышках, изъятых с мест происшествия на Аксайском консервном заводе и в магазине № 12, зубами Пархоменко.

Экспертиза была поручена НТО УВД Ростовского облисполкома. Осмотром крышек от консервных банок было установлено, что изъятые на Аксайском консервном заводе крышки имеют одна — 12, а другая — 17 следов скольжения, расположенных на внешней стороне крышек по окружности. При исследовании под бинокулярным микроскопом в следах были выявлены параллельно расположенные бороздки и валики. Исследование под сравнительным микроскопом показало полное совпадение многих признаков в следах на крышках, изъятых с мест происшествия, а также на крышке с экспериментальными следами зубов Пархоменко. Признаки совпадения были сфотографированы.

Изобличенный заключением экспертизы Пархоменко сознался в совершении краж из кабинета директора консервного завода и из магазина № 12 «Рыбкоопа».

В ночь на 28 сентября 1960 г. была совершена кража товаров из магазина № 12 Морозовского райпищеторга Ростовской области.

При осмотре прилегающей к магазину местности удалось обнаружить три металлические крышки от стеклянных банок с баклажанной икрой. На крышках с внешней стороны по окружности имелись вдавленные следы. Возникло предположение, что эти следы оставлены зубами лица, совершившего кражу.

Заподозренному А. Гнотову предложили открыть консервную банку без специального ключа. Гнотов согласился и вскрыл банку зубами.

Была назначена трасологическая экспертиза, на разрешение которой поставили вопрос — не оставлены ли следы на трех металлических крышках, изъятых с места происшествия, зубами Гнотова.

В НТО УВД Ростовского облисполкома крышки исследовались под сравнительным микроскопом. Было установлено совпадение следов на крышках, изъятых с места происшествия, с экспериментальными следами по признакам: по общей конфигурации, размерам, расположению следов относительно кромки крышки, взаимному расположению и по степени их выраженности, а также по ряду частных признаков. Все эти признаки дали осно-

вание экспертизе сделать вывод о том, что вдавленные следы на трех крышках, изъятых с места происшествия, и экспериментальные следы оставлены зубами одного и того же лица — А. Гнотова.

Гнотов сознался в совершенном преступлении.

Приведенные примеры свидетельствуют о возможности идентификации личности по следам зубов на металле, обнаружение которых следует иметь в виду при проведении осмотра места происшествия.

ФИКСАЦИЯ ОБЪЕМНЫХ СЛЕДОВ ПАЛЬЦЕВ РУК С ПОМОЩЬЮ ЛАТЕКСА

Среди разнообразных следов, остающихся на месте совершения преступления, наиболее ценными являются следы пальцев рук. На месте происшествия могут быть обнаружены следы пальцев двух видов: поверхностные и объемные. Поскольку темой статьи является фиксация объемных следов, остановимся на них более подробно.

Объемные следы образуются в результате давления пальцев рук на какую-либо мягкую пластическую поверхность, способную отобразить рельеф, образуемый папиллярными линиями. Такие следы могут остаться на воске, масляной краске свежеокрашенного предмета, размягченном сургуче, пластилине, на поверхности, смазанной маслом, и т. п. Обнаружение на месте происшествия объемных следов, как правило, не представляет большого труда, обычно они хорошо видны. Поэтому основной задачей при обнаружении таких следов является их изъятие. В том случае, когда по каким-либо причинам нельзя изъять следы вместе с предметом или его частью, ограничиваются их фиксацией.

Одним из способов фиксации объемных следов пальцев рук является отливка слепков. В настоящее время для этих целей используются, как правило, мелко истертый гипс. Однако следует заметить, что гипс не всегда достаточно четко и точно передает строение мельчайших особенностей папиллярных линий узора.

Более надежен способ фиксации объемных следов пальцев рук при помощи латекса.

Латекс представляет собой дисперсию частиц каучука в жидкой среде, по внешнему виду и цвету он напомина-

ет сгущенное молоко. В настоящее время латекс широко применяется в резиновой промышленности для изготовления губчатых изделий, резиновых перчаток, игрушек, обуви и т. п. Латекс при изготовлении из него слепков следов пальцев отображает мельчайшие особенности папиллярных линий. Полученный слепок легко отделяется от следа. При надлежащем хранении (герметическая упаковка, средняя температура, темная посуда) латекс сохраняет свои качества свыше 5 лет.

Напомним, что перед изготовлением слепков следы нужно подробно описать в протоколе и сфотографировать по правилам масштабной съемки. Техника изготовления слепка из латекса сводится к следующему.

Вокруг следа делается небольшой валик из пластилина или бортика из металла, картона, бумаги и т. п. высотой 1—2 см. Затем на след осторожно наливается латекс до полного покрытия поверхности следа. Толщина слоя должна быть не менее 2—3 мм. Постепенно латекс твердеет, превращаясь в прозрачную или молочного цвета пленку. После этого ее можно отделить от поверхности — слепок готов. Пленку берут пальцами за какой-либо угол и осторожно отделяют от предмета. Толщина латексной пленки составляет примерно 1—2 мм.

Данный способ, как это видно из описания, очень прост, не требует каких-либо дополнительных технических средств и приспособлений. Однако его недостатком является чрезвычайно медленная вулканизация латекса. На образование пленки требуется от 2 до 12 час., в зависимости от толщины защитного слоя латекса. Указанный способ в том виде, как мы его описали, рекомендуется применять только в тех случаях, когда след неглубок и оставлен на какой-либо масляной поверхности (например, на деталях машин или оружии, покрытых смазкой).

Описанный способ может быть усовершенствован путем применения специального коагулирующего раствора, ускоряющего застывание латекса. В качестве коагулирующего раствора хорошо зарекомендовал себя 10%-ный раствор хлористого кальция (CaCl_2) в этиловом спирте. При действии раствора на жидкий латекс последний быстро схватывается и твердеет. В усовершенствованном виде способ может быть с успехом использован для фиксации следов разной глубины. При этом удается получить хорошие слепки следов, оставленных на таких

материалах, как пластилин, замазка, сургуч, тавот, сливочное, машинное и другие масла.

Методика работы заключается в следующем: предохранительный бортик вокруг следа не делается. На поверхность, где обнаружены следы, тонким (1—2 мм) равномерным слоем наливается латекс. Латекс должен покрыть несколько большую по площади поверхность, нежели следы. Через 5—10 сек. на латекс наливается небольшое количество коагулирующего раствора, который должен полностью покрыть слой латекса. Излишки раствора можно слить или осторожно убрать при помощи ваты или промокательной бумаги. Для вулканизации латекса, обработанного коагулирующим раствором, требуется 15—20 мин. После образования пленки она осторожно снимается и помещается на какую-либо ровную поверхность—стекло, бумагу, картон для дополнительной 10—15-минутной просушки. Если пленка очень тонкая, она может свертываться, коробиться. Для предотвращения этого пленку необходимо опудрить небольшим количеством ликоподия или талька.

Латексная пленка точно передает строение объемного следа. Папиллярные линии отображаются в виде линейных возвышений. С целью повышения четкости папиллярного узора слепок рекомендуется дополнительно обработать порошком графита. Порошок должен быть сухим и мелкоицертым. На кисть набирается небольшое количество порошка, который легкими, осторожными движениями кисти наносят на слепок следа. После этого его можно сфотографировать. В зависимости от толщины латексной пленки след может быть сфотографирован в отраженном косопадающем свете или на просвет. Фотографирование желательно производить фотоаппаратом с наводкой резкости по матовому стеклу, что даст возможность осуществить контроль за правильностью освещения. Фотографировать следует на контрастную пленку, а при печати использовать контрастную или особо контрастную бумагу.

Если латексная пленка имеет небольшую толщину, то фотоснимок можно получить при помощи фотоувеличителя прямо с пленки, используя ее как негатив. При этом пленку зажимают между двумя тонкими чистыми стеклами или прозрачными пленками и помещают в откидную рамку увеличителя. При печати следует поль-

Рис. 1. След пальца на слое масляной краски, зафиксированный с помощью латекса

Рис. 2. Латексный слепок следа пальца, оставленного на металле, покрытом слоем тавота

Рис. 3. След пальца, оставленного на пластилине

зоваться контрастной бумагой и контрастно работающим проявителем.

При проведении экспериментальной работы по применению латекса для фиксации объемных следов пальцев рук нами использовались самые различные материалы. Следы рук оставались на пластилине, сургуче, замазке, сливочном и машинном масле, тавоте, масляной краске и др. Во всех случаях были получены удовлетворительные результаты, дающие возможность производить идентификацию личности по этим следам (рис. 1, 2, 3).

В заключение следует сказать, что латекс может быть с успехом использован не только при работе со следами рук, но и с другими объемными следами: следами ног человека, транспорта, взлома и т. п.

Следователь прокуратуры
Нанайского р-на Хабаровского края
юрист 3-го класса
В. М. Шибакин

ДОКУМЕНТЫ УЛИЧАЮТ РАСХИТИТЕЛЯ

(Краткое сообщение)

В связи с поступившим в прокуратуру Нанайского р-на сообщением о выявленной у заведующего складом орга недостаче товарно-материальных ценностей я вместе с сотрудником ОБХСС районного отдела милиции выехал в поселок Арсеньево, где находился склад. По прибытии в Арсеньево я прежде всего решил ознакомиться с документацией склада, поручив работнику ОБХСС выяснить образ жизни заведующего складом Ковалик.

В ходе осмотра документов я обратил внимание на то, что в нескольких нарядах на производство работ по складу, выписанных на одно и то же лицо, подписи от имени исполнителя работ сильно различаются между собой.

На допросы были приглашены лица, которые согласно этим нарядам производили работы по складу. Некоторые из них заявили, что никаких работ по складу не выполняли. Даже предварительное сопоставление подлинных подписей этих граждан с подписями в нарядах выявило их различие. В дальнейшем экспертиза подтвердила этот вывод.

Допрошенный нами заведующий складом Ковалик утверждал, что никаких злоупотреблений в работе, в том числе и подделки нарядов, он не допускал. Недостача, видимо, образовалась в результате его халатности.

Между тем из показаний ряда лиц следовало, что Ковалик систематически пьянствовал, жил не по средствам.

Обнаружение фактов подделки Коваликом нарядов на выполнение работ наталкивало на мысль о необходимости проверки и других документов, в частности актов на закупку рыбы, которую местное население сдавало на склад. Я обратил внимание на три акта о закупке фуражной кеты (идущей на корм скоту) на общую сумму более 14 000 руб. Все три акта от имени сдатчика рыбы были подписаны фамилией «Келундига». Он же якобы и получил за нее деньги. Ковалик показал, что эту рыбу ему привозили местные жители, удегейцы из села Бира. Акты он составил на одно лицо—Александра Келундигу. К моменту расследования А. Келундига находился в тайге, на промысле зверя, и допросить его было невозможно. В отделении «Союзпушнина» мне удалось разыскать квитанции, подписанные А. Келундигой. Подписи на этих квитанциях резко отличались от подписей на трех актах на закупку рыбы.

В то же время, судя по документам, фуражная рыба действительно поступала на склад. Нужно было выяснить, кто ее сдал в действительности и на каких условиях.

Из бесед с местными жителями мы знали, что какие-то лица сдавали рыбу Ковалику и покупали у него различные товары, в том числе водку. Было решено опросить лиц, проживающих в окрестных поселках, чтобы установить, кто именно сдавал рыбу и кто покупал товары у Ковалика. При этом нужно было проявить известную осторожность в расспросах, так как коренному населению разрешалось ловить кету в нерестовых реках только для личного потребления, без права продажи. Мы, например, воспользовались тем, что в одном из поселков в это время проводилась проверка паспортов. Приняв в ней участие, мы как бы попутно наводили нужные нам справки у населения. В другом поселке с той же целью мы приняли участие в переписи детей, проводившейся работниками местного Совета. В конечном счете мы убедились, что такого количества рыбы, которое поступило на склад, местные жители не сдавали.

После этого я решил проверить еще один источник, откуда Ковалик мог получить рыбу. Я обратился в рыбную инспекцию и, изучив ее материалы, выяснил следующее. Зимой в тайге была обнаружена сваленная в кучу и замерзшая кета. Инспектор сдал эту кету как бесхол-

зяйную Ковалику на склад, определив «на глаз» ее вес в 900 кг и оценив по 25 коп. за 1 кг. Никакой квитанции от Ковалика он не получил. Из показаний лиц, перевозивших рыбу на склад, выяснилось, что туда было доставлено три грузовые машины кеты, общим весом не менее 5 т.

Когда мы вновь допросили Ковалика по эпизоду с закупкой кеты, он сознался, что фактически получил ее от рыбонспекции, а оформил получение поддельными актами закупки от А. Келундиги.

Закупочные акты также были направлены на экспертизу, которая подтвердила факт подделки подписей от имени Келундиги. Таким образом, мы установили второй, после поддельных нарядов, способ, пользуясь которым Ковалик расхищал подотчетные деньги. Но причины образования недостачи товаров на складе еще не были выяснены. При решении этого вопроса я решил обратиться к общественности, предполагая, что с ее помощью мне удастся найти конкретные данные о продаже Коваликом товаров со склада. Сигналы об этом нам поступали уже ранее.

Я выступил на собрании жителей села Арсеньево и рассказал об установленных фактах преступной деятельности Ковалика. В этот вечер никто на собрании не выступил, но на следующий день у меня побывали многие граждане и рассказали о том, что они приобретали на складе водку, фурштадскую рыбу и другие товары, платя за эти товары Ковалику. Присвоение этих денег и явилось причиной образования недостачи.

Общий объем выявленного хищения составил более 58 000 руб.

Народный суд осудил Ковалика к лишению свободы.

Заведующий циклом криминалистики
Курсов усовершенствования следователей
Прокуратуры СССР советник юстиции

И. Е. Быховский

Заместитель начальника отделения
ОУР УВД Леноблгорисполкома
майор милиции

В. А. Гуняев

ПОЛЕЗНОЕ ПОСОБИЕ

Расследование уголовных дел о кражах со взломом представляет известную трудность. Не случайно некоторое количество этих преступлений остается не раскрытыми, а виновные — не наказанными. Многие следователи недооценивают серьезности дел о кражах, допускают в процессе расследования существенные ошибки, не выявляют при осмотрах места происшествия важных обстоятельств, неправильно намечают и проверяют версию.

До последнего времени следственные работники не имели методического пособия, которое могло бы правильно их ориентировать на особенности раскрытия краж, отыскание доказательств, тактику изобличения преступников. Отдельные работы по этому вопросу не являлись достоянием широкого круга следователей. Поэтому надо признать своевременным издание в 1960 году пособия С. С. Степанова «Расследование краж государственного и общественного имущества, совершенных путем взлома хранилищ», специально посвященного методике расследования краж со взломом.

Построенная на анализе большого количества уголовных дел, убедительно иллюстрированная примерами из практики, работа может служить серьезным подспорьем в расследовании дел о кражах, в преодолении возникающих при этом затруднений.

Методическое пособие содержит четыре главы.

В первой главе рассматриваются общие вопросы методики расследования краж со взломом. Разумеется,

говаря о способах совершения краж, автор не мог дать их исчерпывающего перечня, но отрадно то, что он охватил чаще всего встречающиеся на практике случаи.

Одним из основных условий успешного расследования краж со взломом автор пособия обоснованно считает сочетание следственных и оперативно-розыскных мероприятий. Работа следователя без помощи сотрудников милиции нередко сводится к формальной фиксации фактов. Преступление в результате остается нераскрытым.

Кроме того, отрыв оперативных мероприятий от расследования приводит к парадоксальному результату: преступник известен, а изобличить его не удается. Пособие правильно определяет взаимодействия следователя и оперативных работников милиции, указывая на необходимость непосредственного делового общения в процессе работы. Эта мысль проходит красной нитью на протяжении всего пособия.

При чтении раздела, посвященного предмету расследования, надо учесть, что в связи с изменением уголовного законодательства некоторые положения автора требуют дополнений. Например, нужно иметь в виду, что в пособии, в перечне обстоятельств, подлежащих исследованию, не упомянут вопрос о том, применялись ли технические средства при совершении кражи. По новому Уголовному кодексу РСФСР это обстоятельство является квалифицирующим признаком, и, следовательно, его выяснение необходимо.

Вторая глава посвящена первоначальным следственным действиям и оперативно-розыскным мероприятиям. Значительную часть главы автор совершенно правильно отводит вопросам, связанным с осмотром места происшествия. Являясь отправным моментом расследования, осмотр места происшествия по существу дает возможность определить характер совершенного преступления, собрать наибольшее количество данных, позволяющих судить о личности преступника. Автор акцентирует внимание следователей на отыскание и изъятие самых различных следов. Обычно при осмотре места происшествия по делам о кражах следователи ищут следы рук, ног преступника и следы транспортных средств. В пособии приводятся рекомендации и примеры удачного использования при расследовании следов зубов преступ-

ника, следов крови, различных предметов или их частей, найденных на месте совершения кражи. Представляют определенный интерес некоторые указания об обнаружении и использовании следов, почерпнутые автором из иностранной криминалистической литературы.

Нам представляется, что автор поступил совершенно правильно, посвятив всю третью главу проблеме выявления лиц, совершивших преступление.

Автор делит расследование на два этапа: выявление лиц, подозреваемых в совершении преступления; собирание и проверка доказательств, подтверждающих или опровергающих причастность к краже конкретного лица.

В работе подробно излагается, в частности, такой вопрос, как разработка версий по делу. Пособие содержит ряд ценных рекомендаций, подкрепленных удачно подобранными интересными примерами из практики.

Значительное место удалено методам выявления преступников путем использования данных, добытых в начале расследования.

Совершенно правильно обращено внимание на разоблачение участников краж при сбыте похищенного, на значение взаимодействия следователя и работников милиции на этом этапе расследования.

Заканчивается третья глава подробным изложением методов проверки версии об инсценировке кражи со взломом.

Четвертая, последняя глава работы рассматривает задачи расследования на последнем его этапе, после выявления преступников, совершивших кражу. В ней содержатся рекомендации по проведению отдельных следственных действий, приводятся методы выявления соучастников, проверки личности обвиняемых.

Работа вместе с тем не свободна от отдельных недостатков.

Нельзя не согласиться с рекомендациями автора о необходимости привлечения общественности к установлению виновных в совершении краж. Прав автор, говоря, что «тот небольшой, но уже имеющийся опыт привлечения общественности с помощью радио и печати к раскрытию преступлений позволяет сделать обоснованный вывод о большой пользе подобной практики для борьбы с преступностью» (стр. 88). Однако в работе, к сожалению, не обобщен опыт следователей по привле-

чению общественности к раскрытию краж. Отсутствуют примеры, популяризирующие этот опыт.

Очень мало сказано автором об использовании данных уголовной регистрации для установления и изобличения преступников. На наш взгляд, этому вопросу следовало бы посвятить отдельный параграф.

Было бы целесообразно в главе, посвященной выявлению лиц, совершивших преступление, привести образцовый план расследования с обоснованием выдвинутыми версиями, содержащий весь комплекс следственных и оперативных мероприятий по установлению виновников преступления.

Автору, который в процессе изложения приводит много положительных примеров, следовало бы большее внимание уделить разбору типичных ошибок, допускаемых при расследовании дел о кражах.

Вызывает удивление отсутствие в пособии иллюстративного материала (фотоснимков, схем, чертежей и т. д.).

Однако приведенные отдельные недостатки ни в коей мере не снижают ценности этого методического пособия, весьма полезного не только для следователей, но и для работников органов дознания.

Прокурор Золотоношского р-на
Черкасской области
младший советник юстиции

Д. И. Скiba

Следователь юрист 1-го класса
С. Л. Сегал

КАБИНЕТ КРИМИНАЛИСТИКИ В ПРОКУРАТУРЕ РАЙОНА

Качество следствия и дознания в большой мере зависит от знания криминалистики работниками следствия и дознания и от умения применять эти знания на практике. Для активного внедрения научных методов расследования в практику следствия и дознания при нашей прокуратуре был создан кабинет криминалистики.

Небольшая комната, в которой раньше находился архив, оказалась вполне пригодной для этой цели. Помощь в ремонте помещения и в оборудовании кабинета нам оказал Золотоношский городской штаб районных дружин. Дружинники приняли активное участие в изготовлении витрин, стендов и в художественном оформлении кабинета.

При оборудовании кабинета мы руководствовались рекомендациями, имеющимися в ряде статей, опубликованных в «Следственной практике», в работе Т. М. Арзуманяна и В. М. Николайчика «Организация работы кабинетов криминалистики в прокуратурах», и советами, которые нам давали прокурор области т. Нищенко и прокурор-криминалист т. Малеваный.

Серия стендов наглядно разъясняет, как следует процессуально оформлять осмотр места происшествия и вещественных доказательств, проведение следственного эксперимента, проверку показаний на месте и другие следственные действия.

Особый стенд посвящен наглядному показу правил подготовки и назначения основных видов экспертиз: по-

черковедческой, трасологической, баллистической и др. Все примеры взяты из конкретных уголовных дел.

На отдельном столике разложены основные пособия по криминалистике и сборники «Следственная практика».

Много места уделено в кабинете роли общественности в борьбе с преступностью и предупреждению правонарушений. На отдельном стенде показано, какие именно общественные органы созданы в нашем районе и круг деятельности их: народные дружины, товарищеские суды, совет учителей-пensionеров по предупреждению правонарушений среди несовершеннолетних, общественные реvisorы, общественная торговая инспекция, общественные инспектора по безопасности движения транспорта.

В кабинете выставлены некоторые вещественные доказательства и орудия преступления, которыми пользовались преступники на протяжении последних лет по делам, возникшим в нашем районе.

При криминалистическом кабинете в отдельном помещении создана фотолаборатория, которой пользуются также и работники милиции.

После того как кабинет был оборудован, мы пригласили ознакомиться с ним председателя исполнкома городского Совета, работников милиции города, членов городского и районного штабов народных дружин, дружинников. Некоторые из них сделали ценные замечания и предложения.

На базе кабинета криминалистики мы в соответствии с заранее составленным планом периодически проводим занятия с оперативным составом милиции и с дружинниками города. Каждое занятие строится так, чтобы после лекции, которая длится не более 40—45 мин., примерно 1 час был отведен обсуждению участниками занятия практических вопросов и обмену мнениями по теме занятия. Живая, творческая дискуссия с использованием материалов кабинета способствует лучшему усвоению изучаемых проблем. Особенно живо проходят занятия, на которых обсуждаются конкретные уголовные дела, вскрываются ошибки, допущенные в ходе дознания и следствия.

Частыми посетителями кабинета криминалистики являются народные дружинники и члены товарищеских судов. Кроме обычных посещений, цель которых получить в прокуратуре консультации по правовым и крими-

налистическим вопросам, дружинники и члены товарищеских судов приходят в кабинет криминалистики дважды в квартал в дни, когда для них проводятся семинары на темы: составление актов и протоколов, обнаружение и сохранение следов и т. п. Посещая кабинет, они на наглядном материале знакомятся с состоянием борьбы с преступностью в районе, узнают о мерах по предупреждению правонарушений. Здесь же можно найти материалы о роли общественности, в том числе и заметки из газет и журналов на эту тему.

Свой кабинет мы думаем в дальнейшем расширять, пополнять новыми материалами стенды и витрины.

Нам кажется, что создание в прокуратурах кабинетов криминалистики (или хотя бы криминалистических уголков) будет способствовать внедрению в нашу следственную практику научно-технических методов расследования, привьет нашим работникам любовь к науке и даст широкий простор для развития творческой мысли каждого следователя и работника дознания.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Наш опыт расследования дел о хищениях на мясокомбинатах — Г. А. Густов	3
Два поджога — А. Л. Рудницкий	18
О чем рассказали документы — А. М. Ларин	25
Общественники помогли установить убийцу — И. Г. Гершениzon	39
Выявление и устранение условий, способствующих совершению преступлений — А. Р. Нигматуллин	42
Расследование крупного хищения в системе потребкооперации — С. Д. Давыдов	48
Как была разоблачена инспектировка кражи — М. Г. Голощапов	57
Признание обвиняемого подлежит тщательной проверке — М. Ф. Морозов	63
Бестоварные операции между колхозом и льнозаводом — С. С. Куклянских	66
Как были выявлены свидетели по делу о преступном аборте — Л. М. Коптева	72
Значение правильно проведенного допроса несовершеннолетних — Х. А. Давлятов	75
Расследование хищений при заготовках зерна — А. В. Шевченко	79
Следы зубов на металле — А. С. Григорян, И. С. Усков	87
Фиксация объемных следов пальцев рук с помощью латекса — Ю. И. Лавров	90
Документы уличают расхитителя — В. М. Шибакин	94
Полезное пособие — И. Е. Быховский, В. А. Гуняев	97
Кабинет криминалистики в прокуратуре района — Д. И. Скиба, С. Л. Сегал	101